

Космические Миры



КОСМИЧЕСКИЙ МАРШАЛ НЕДЕТСКИЕ ИГРЫ



НАТАЛЬЯ БУЛЬБА

Annotation

Десять лет в службе маршалов — много это или мало? Целая жизнь, если брать во внимание опыт, и всего лишь мгновение, когда это — твое предназначение. Тяжелый труд, бессонные ночи, ожидание, опасность и... как результат чья-то ставшая более спокойной жизнь. Но даже в любимой работе бывают моменты, когда ты задаешься вопросом: а стоило ли оно того? Элизабет Мирайя предстоит ответить на этот вопрос, когда обычное задание — взять очередного бегунка — сведет ее на одной планете с самаринянским жрецом полного посвящения, которому предстоит стать ее врагом, и тремя спецслужбами... в качестве конкурентов.

Наталья Бульба

Космический маршал. Недетские игры

Среди основных задач, которые возлагаются на вновь создаваемую Службу:

...

— розыск, арест и доставка к месту отбытия наказания беглых преступников;

— розыск и задержание лиц, подозреваемых в совершении преступлений, относящихся к категории особо опасных;

...

— обеспечение безопасности свидетелей в рамках программы защиты свидетелей;

...

*Выдержка из декларации о создании Службы Маршалов
Галактического Союза*

Пролог

За полгода до событий

Генерал Орлов — наблюдатель Штаба Объединенного флота Галактического Союза при Службе Внешних границ сидел за столом, тяжело опустив голову на сложенные в замок ладони.

— Уверен?

Новости, принесенные бывшим подчиненным, были не просто нетривиальными — с душком. Не успели выкорчевать в одном месте, как проросло в другом.

Здесь-то была своя вотчина, спрашивали за результат, обходясь без контроля за каждым шагом. А там?

Тех, кому можно доверять, легко пересчитать по пальцам рук, еще столько же, за кем придется присматривать, но... масштаб, демоны его подери! И ведь не объяснишь тем, что проглядели, явно работали с дальним умыслом.

Обратив внимание, что невольно повторил излюбленное ругательство дочери, Орлов усмехнулся, чувствуя, как начало отпускать.

Полковник Шторм — куратор той же службы со стороны контрразведки, отметив, как скривились на мгновение губы бывшего командира, а ныне друга и соратника по многочисленным, на грани дозволенного, аферам, тоже слегка расслабился.

Буря прошла стороной.

Орлов хоть и перенял у бесстрастных скайлов часть их привычек, иногда, натываясь на какую-нибудь сволочь, срывался. Вот тогда и начиналось все самое интересное. Сам глава Службы — вице-адмирал Искандер — предпочитал в такие дни или отсиживаться в своем кабинете, или отправляться с проверками на орбитальные базы.

Остальные же делали все, лишь бы не попасться грозному генералу на глаза. Самодурством тот не страдал, но драл в хвост и гриву, находя провинности там, где про них уже благополучно забыли. Чистки на близком окружении не заканчивались, отголоски долетали и до Штаба.

Вроде и хорошо, по мелочам нашивки не срывали, но Шторм каждый раз боялся, как бы генерал однажды не нарвался на того, с кем не стоило бы связываться.

Вячеслав с первого дня нес службу вместе с Орловым, предпочитал служить с ним и дальше.

— Не будь уверен, не пришел бы, — буркнул он вроде как недовольно и качнул головой.

Не тому, что произнес вслух, а своим мыслям. Мол, не первый год знакомы, мог и не спрашивать, но Орлов словно и не заметил. Еще раз перебирал в памяти все, что ему рассказал Шторм.

Правильно он оценил, ситуация была с гнильцой. Сколько уже концов обрубали! Не успевали избавиться от одного, тут же объявлялся другой.

А сколько их еще будет?! Щупальца Самаринии расползлись по всей галактике.

— Что собираешься делать? — генерал поднялся резко. Активировал внешний экран планшета, вывел на него оперативную сводку.

Еще одна привычка: чем сложнее задача, тем больше загружал себя информацией.

Шторм подхватил ее именно у Орлова. С тех пор и пошло: либо работать, либо не

работать. Между собой они называли это — отрываться по полной.

— Хочу устроить большую игру втемную.

Орлов опять усмехнулся, но теперь уже иначе, с толикой предвкушения.

— Опять Лазовски? Когда-нибудь его терпение точно закончится.

Полковник крутанул свои знаменитые усы, хмыкнул многозначительно:

— Им одним не обойтись. Хочу задействовать Воронова и О-два. Пусть поработают на благо нашей конторы.

Орлов даже приподнял бровь. Замашки у бывшего птенца стали...

Не зря его ребят называли штормовскими выкормышами. Сам — волкодав и их натаскивал так, что, если вцепятся, уже не оторвешь.

— А от меня что надо? — Улыбка ушла с лица генерала.

Весь предыдущий разговор был прелюдией, главное начиналось только теперь.

— Запомни, — еще вальяжнее развалился в кресле Шторм, — это не я тебя просил, это ты мне предложил. — Отметив, как машинально кивнул генерал — слышал, но хохма была старой и затасканной, закончил уже другим тоном: — Мне нужны твои связи в архиве и у погранцов.

Дело было слишком серьезным, чтобы не заручиться поддержкой тех, кто мог помочь. С кем-то, как с Орловым, разговор будет идти напрямик, с другими...

Чужие долги он не забывал. Требовалось — мог напомнить о себе. Да и более жесткими методами не брезговал.

Идти до конца — принцип, выстраданный бессонными ночами и отчаянием. Отступить от него Шторма не заставила бы и смерть.

Генерал продолжал молчать, знал, что Шторм не сказал еще самого главного. Тот ждать не заставил, понимали они друг друга не с полуслова — с неожиданно мелькнувшей в голове мысли.

Офицер Орлова по особым поручениям, эмпат и интуитивщик Игорь Таласки утверждал, что именно так и действуют неразвитые эмпатические способности.

Шторм считал, что они просто делают одно дело.

— Если станет известно, что эта операция моя, — мы ее провалим. Чтобы этого не случилось, мне нужен козел отпущения, труп и сильный, но незасвеченный ментат. Первый у меня уже есть, второе я достану, а вот с третьим проблемы. Если его поиском займусь я...

— Меня в этом качестве ты тоже не рассматриваешь, — правильно понял намек Орлов, уже что-то набирая на планшете. — Из какого ведомства тебе нужен спец?

Шторм к этому вопросу был готов:

— Лучше, если из особого. — Вздохнул, загадочно улыбнулся, вызвав у генерала легкое недоумение, качнул головой, убеждая, что все в порядке.

В порядке всё не было. Как это частенько происходило, в присутствии Орлова у Шторма открывалось второе дыхание. Обычно это усложняло план настолько, что только ему и удавалось вытягивать.

Вот и теперь возникшая идея была весьма необычной, но обещала успех в деле, которое он уже давно считал безнадежным.

— Знаешь, — он поднял шальной взгляд на генерала, — я тебе накидаю, кого бы хотел видеть, а ты уж постарайся...

Орлов только развел руками. Оставалось лишь надеяться, что и на этот раз Шторм знал, какая из его целей была главной.

— Как же меня все достало! — пробурчала я себе под нос, отталкиваясь ногой от стола. Кресло на колесиках отъехало, шелестя по пластику пола, мягко ткнулось в стену.

— Опять? — Эдик поднял голову, оторвавшись от кипы распечаток. — Не рано ли на этот раз?

— Опять! — несколько раз кивнула я, изображая болванчика.

Уже давно не обманывала сама себя, жила только работой да воспоминаниями, похожими на бусины в ожерелье. Мгновения прошлого: были и... нет.

И только память бережно хранила их, словно пытаясь доказать, что кроме списка чужих преступлений, выматывающих поисков, напряженных размышлений, сомнений, бессонных ночей и риска, который становился платой за удачу, существовало еще что-то, за что можно было зацепиться и идти дальше.

Я с ней не спорила, просто предпочитала свою точку зрения на этот вопрос. Потому сейчас и бесилась. Мне не было скучно — я всегда могла найти, чем заняться, но... чувствовала себя, словно лишенная кислорода. Еще немного, и сдохну.

— Сходи к шефу, — усмехнувшись, посоветовал Эд. — Будешь убедительна — он найдет тебе приключение на твою роскошную нижнюю часть.

Я грустно улыбнулась в ответ.

Эдуард Эскильо хоть и пытался выглядеть пошляком, мог ввести в заблуждение кого угодно, но только не меня. Мягким и покладистым он тоже не был. Характер у него, когда требовалось его проявить, был жесткий, бескомпромиссный, что мне весьма импонировало. Но больше всего мне нравилось другое — он никогда не нарушал однажды установленных нами правил. Своими подвигами на ниве оболъщения представительниц прекрасной половины человечества не хвалился, мне в душу не лез. И советы давал, лишь когда я сама просила.

Идеальный напарник.

Я предпочитала работать в одиночку, но если обстоятельства вынуждали, соглашалась только на Эда. И ему не отказывала, когда Эскильо приходилось поступиться своими предпочтениями.

— Боюсь, что даже моих талантов на это не хватит. Ровер сказал — неделя отдыха, а на милость я не рассчитываю.

— Он о тебе заботится, — лукаво, словно знал о чем-то, но не собирался делиться, подмигнул мне Эдик, возвращаясь к работе.

Его намек я заметила, но никак не отреагировала. Будет что серьезное — скажет. А так... пустые разговоры.

Да и не завидовала я ему сейчас. Очередная справка по делу, которое наш отдел вел уже лет семь, была как две капли воды похожа на своих предшественниц. Хуже другое — мы все понимали, что их может быть еще столько же, прежде чем дело сдвинется с места. Бывали в нашей практике такие вот неуловимые бегуны.

— Заботится он! — проворчала я беззлобно, разбавляя вновь воцарившуюся тишину. Не торопясь поднялась, давая себе возможность еще раз подумать. Увы, иных вариантов, кроме предложенного Эдом, у меня не было. — Пойду на поклон, иначе свихнусь.

В ответ Эскильо только хмыкнул. Что такое «свихнусь» в моем исполнении, ему было

известно лучше, чем кому-либо другому, — мы с ним делили один кабинет. В такие моменты я сама себе становилась невыносима, что уж говорить про напарника, который был вынужден терпеть рядом с собой взбесившуюся стерву.

Работали мы с Эдиком в отделе оперативного поиска Службы Маршалов Союза уже десять лет. Стажерами пришли в один день. С тех пор и привыкли помогать друг другу, по-другому выжить в нашей среде было практически невозможно. Если кому это и удавалось в одиночку, так только Роверу. Но он и был Ровер, этим все сказано.

Помня о том, что мы с Эскильо еще не раз друг другу пригодимся, я предпочитала его беречь, избавляя от урагана в своем исполнении. Лучше несанкционированная встреча со Лазовски, чем тоскливые глаза друга.

— Удачи! — вполне серьезно пожелал мне в спину Эд, когда я уже почти закрыла за собой дверь.

— И тебе! — отозвалась я, поправляя форму.

Шеф не терпел небрежности ни в чем.

Кабинет Ровера располагался в дальнем конце длинного и обычно безлюдного коридора. Ходила байка, что он специально забрался так далеко — давал своим подчиненным время осознать свои прегрешения, когда вызывал к себе, или передумать, когда те сами намеревались залезть голодному тигру в клетку.

Так это было или нет, спросить никто не решался, но в том, что нет дыма без огня, лично я убеждалась не раз. Вот и сейчас сомнения появились уже через несколько шагов.

Замешательство было недолгим, стоило представить, как понимающе ухмыльнется Эдик, когда я вернусь, как потерянную решимость сменила врожденная вредность.

Информер у кабинета был зеленым. Шеф присутствовал на месте и даже был готов снизойти до общения.

Не давая себе отступить, нажала на вызов.

— Элизабет Мирайя к помощнику директора Лазовски.

Пара секунд ожидания — дыхание я задержала машинально, и дверная панель дернулась, открывая доступ.

— Ты вовремя! — вместо приветствия произнес шеф, жестом указав мне на ближайший к своему столу стул. Взгляд от дисплея планшета, внешние экраны которого не были активированы, он так и не оторвал. — Как раз собирался тебя вызывать.

От неожиданности даже приподняла бровь, нарушая собственное правило: в присутствии начальства ничему не удивляться.

Хорошо, что Лазовски не заметил, а то бы на моей репутации невозмутимого маршала можно было бы ставить жирный крест. Достаточно раза, чтобы заработанное долгими годами реноме покрылось прахом.

Увы, в это мгновение я еще не знала, что это только безобидное начало.

— Присутствие Горевски зафиксировали сканеры на Зерхане.

— Горевски? — машинально переспросила я, радуясь, что еще не успела присесть. Точно бы подскочила, даже не вспомнив про собственные принципы. — Его же признали погибшим!

— Только косвенные доказательства, — спокойно отреагировал на мое изумление Лазовски. Отодвинул планшет, равнодушно, словно я была пустым местом, посмотрел на меня. — Факт его гибели мы подтвердить не смогли.

И опять он был прав, хоть и обидно.

Дело Валесантери Горевски — авантюриста, любимца и любителя женщин, высококлассного специалиста по промышленному шпионажу, продолжало оставаться открытым, несмотря на то что суд счел возможным вычеркнуть этого человека из списка живых.

— Хотите поручить его розыск мне? — уточнила я, уже не сомневаясь в ответе. Как иначе можно было интерпретировать воодушевление Странника при моем появлении?

— Не хочу, — неожиданно для меня заявил тот, сохранив на лице абсолютную бесстрастность, — но выбора у меня нет. Если кто и может привлечь внимание Горевски, так только ты.

Намеков в его заявлении было два. Один тонким назвать было сложно. Редко кто, глядя на меня, мог догадаться, что эта сексуальная брюнетка с взглядом заядлой любительницы приключений — маршал с солидным списком возвращенных в судебную систему преступников. Большинство из них как раз и попались на эту удочку, подпуская ближе, чем это стоило делать.

Не скажу, что меня радовало такое мнение о себе, но грех не воспользоваться тем, что дано природой.

Я и пользовалась... в меру разумного, конечно.

Второй... У Ровера были веские основания считать, что наш бегунок мною заинтересуется. Были у нас с тем в прошлом общие моменты.

— Когда приступить?

Я сделала вид, что ни одного из них не заметила. Шеф — что поверил.

— Вылетаешь завтра утром. Все данные по Горевски у тебя в хранилище, нужна будет дополнительная информация — к Ваню, допуск я тебе уже повысил. Легенда — журналистское расследование, с Валенси все согласовано, с нюансами разберешься во время полета.

— Иду одна, без напарника?

Уголок губы Ровера дернулся, дав понять, что шеф заметил происшедшую со мной метаморфозу. Деловитый тон, равнодушно-холодный взгляд... Сидению в офисе я предпочитала оперативную работу в поле.

Впрочем, в нашем отделе другие не задерживались. Как и те, кто в первый же год службы не доходил до весьма простой истины: на все восторги и предвкушение будущих подвигов отводилось ровно столько, сколько требуется Страннику, чтобы озвучить поставленную задачу. Потом — рутина, в которой каждый неверный шаг способен привести к печальному итогу.

— С напарником, — без сомнений догадавшись, что пришло мне на ум, произнес Ровер. — Имя узнаешь позже.

— Прикрытие тенью? — я все-таки позволила себе усмехнуться, не опасаясь начальственного гнева или изматывающей душу нотации. Теперь уже можно было. Когда доходило до дела...

Вопрос был признан глупым, вместо ответа я получила направление на дверь как знак окончания аудиенции.

Ровер сказал все, что я должна была услышать, — я поняла даже то, о чем он предпочел промолчать.

Это была наша последняя возможность взять Горевски.

Вместо того чтобы отправить на Зерхан по-человечески, на лайнере, шеф пристроил меня на летящий туда военный крейсер. Планета располагалась на самой окраине сектора, на ее дальней орбите «висела» база Службы границ. В просторечии — погранцов.

Информация интересная, но помочь она мне ничем не могла. Только усложнить задачу. К воякам я относилась неоднозначно.

С одной стороны, как и положено нормальной женщине, — восхищалась. Отбор в армию был серьезный, все выточены как с одного шаблона. Было на что посмотреть, да и поговорить о чем — тоже. Называлось это разносторонним развитием.

С другой... все из этой братии, с кем мне доводилось общаться, с трудом воспринимали слово «нет». Психологический настрой на победу. Не всегда легкую, но тем более заслуженную, на их взгляд.

Я разделяла подобную точку зрения — сама предпочитала трудные дела, но не тогда, когда это касалось лично меня.

В том, что не ошиблась с опасениями, мне довелось убедиться в первый же корабельный вечер.

Я разбиралась с инструкциями и напутствиями шефа, которых оказалось больше, чем обычно, когда на дисплее внутренней связи появился значок вызова.

Свернув экран и отодвинув планшет, голосом подала команду. Экран посветлел, продемонстрировав кусок чужой, с идеальным порядком, каюты и лицо офицера по особым поручениям, которого капитан крейсера озадачил обеспечением меня надлежащими условиями для пребывания на его корабле.

— Госпожа Элизабет, — начал тот весьма официально, — каперанг Райзер приглашает вас на скромный ужин в узком кругу.

Вы... Госпожа...

Как говорил обычно Ровер: «Делайте выводы».

Сказанное прозвучало весьма витиевато, но сути скрыть не сумело. В малой кают-компании соберется с десятков высших офицеров, чье грубое мужское общество я должна буду развлекать своим присутствием.

Соревнование в комплиментах, легкое вино — маловероятно, но не исключено. По-армейски тяжеловесный флирт, рассказы о боевом прошлом и намеки, что я могла бы скрасить будущее самого достойного из них. При этом все неожиданно окажутся холостяками или в состоянии перманентного развода.

Слишком хорошо знакомо, но... не избежать. Портить с ними отношения в первый же день не стоило. Мало ли кто и когда мог пригодиться.

Как учил когда-то шеф: «Не надо делать врагов из тех, кто вполне может стать друзьями».

Подобные высказывания уже давно стали в нашем отделе фольклором, передаваемым от маршала к маршалу, но своей истинности при этом не потеряли.

— Господин ка-пи-тан, — нашивки на кителе — капитана третьего ранга, но я решила ограничиться коротким «капитан», — передайте каперангу Райзеру, что я с огромным удовольствием принимаю его приглашение. — Следуя вбитым в собственное «я» рефлексам, улыбка была милой. Про остальное там ничего не было сказано. — Во сколько состоится

ужин?

Вопреки ожиданиям, следующим из всего, о чем я поторопилась подумать, особой радости в глазах офицера я не наблюдала. Приняла и приняла, словно ему было все равно.

Факт несколько заинтриговал, но не настолько, чтобы я немедленно кинулась разгадывать эту загадку. Мало ли, может, у человека голова болит.

— Через час. Я приду за вами.

Моего ответа он не дождался, просто отключился.

Я сделала вид, что бестактностью это не выглядело. Пока подобное обращение не стало проблемой, его можно было просто игнорировать.

Да только осадок остался, словно говоря, что забывать об этой мелочи не стоит.

Прихорашиваться перед ужином я не собиралась, только тронуть губы блеском да нанести каплю духов. Ну и переодеться, не в джинсах же и футболке идти. Но и на это у меня уходило минут пять, не больше.

Прикинув в голове, сколько остается в запасе, я снова забралась в кресло с ногами, прихватив планшет. Жизнь Валесантери Горевски была не менее увлекательной, чем любимые мною в юности авантурные романы.

По данным нашей службы, родился он на Земле тридцать шесть лет тому назад. Отец — военный инженер, гений, каких поискать. Благодаря его разработкам Союз ввел во флот более десятка модификаций средних и тяжелых крейсеров.

Мать — довольно известная оперная актриса. Внешностью Валесантери пошел в нее. Тот же жгуче-черный цвет жестких волос — теперь, правда, с придающими ему некую элегантность нитями седины; выразительный разрез пепельно-серых глаз.

Талант перевоплощений у него тоже от матери, свой амплуа он менял, как иные — надоевшие перчатки.

И умом моего подопечного Бог не обидел. По окончании технического университета ему прочили блестящее будущее.

Тут они не ошиблись — его будущее точно было блестящим. Если при этом не обращать внимания на некую специфичность блеска. В розыск его объявляли не только у нас, но и в других секторах Галактики. Когда он крал, то настолько по-крупному, что от такой наглости только и оставалось, что развести руками.

Единственное, что всегда оставалось для него табу, — разработка оружия. В этом Горевски был категоричен. Какую бы сумму ни предлагали — отказывался всегда.

Был случай, когда его пытались заставить предать собственные принципы угрозами. Либо он лезет в банки данных «Эстерналь Лаборатори» — ведущего производителя волновых мини-генераторов, либо... ему по кусочкам доставят тело подружки.

Почему не родителей?

Папенька все еще оставался в системе — не подберешься, а маменька... Она пользовалась такой популярностью, что, случись что, достали бы из-под земли и растерзали на месте.

Что удивляло в этой истории, девчонка была случайной, тот с ней лишь несколько ночей и провел. На взгляд многих из наших, с которым я была абсолютно не согласна, он мог просто забыть о ее существовании. Одна из десятков, если не сотен. Говорили, он мог сменить и троих за день.

Так ведь нет, Робин Гуд доморощенный! Выкрал у несостоявшегося заказчика не только барышню, но и часть данных испытаний по новому образцу, которые передал «Эстерналь».

С тех пор те из ведущих производителей стали единственными. О сумме, которую получил Горевски за свою «благотворительность», узнать нашей службе так и не удалось.

А около полугода тому назад прошло сообщение, что во время взрыва экспериментальной установки по выращиванию каких-то суперзасекреченных ботов был обнаружен его ДНК. Потом нашлись свидетели, видевшие его незадолго до этого поблизости от цеха. А еще чуть позже информацию, что это и был заказ, за который взялся Валесантери, подтвердили и осведомители из высокопоставленных. Имелись у нас и такие.

Не скажу, что мы были очень расстроены подобным поворотом событий, если только я, но совершенно по иным причинам, однако осадок присутствовал. Играть с Горевски было интересно. Каждый из нас считал делом чести рано или поздно, но поймать его.

Вот только в руки он так просто не давался. Уходил из таких ловушек, что мы только диву давались. Входили следом за ним в окруженное со всех сторон сканерами здание, а его там словно и не было. Даже самые хитроумные средства слежения, которые мы добывали не всегда законным путем, не могли подсказать, как он это сделал.

Из нашего отдела кто только не клялся, что уж он-то...

Теперь потягаться с неуловимым Валесантери предстояло мне.

Когда Шаевский пришел препроводить меня на званый ужин, я была уже готова. По легенде, я — известная в определенных кругах журналистка, славившаяся редкими, но весьма необычными репортажами на темы, которые обычно мои собратья по клавиатуре предпочитали обходить стороной. Ну, кто будет выявлять злоупотребления в той самой армии, которая нас успешно охраняет?! Только самоубийца.

Я именно такой и была. Писала сама, когда было время и настроение, так что прикрытие имела вполне реальное. Захочешь подкопаться — не удастся.

— Обойдемся без комплиментов, господин капитан, — резко заявила я своему сопровождающему, когда он попытался открыть рот.

Что делало ему честь, взгляд, которым он меня окинул, был практически лишен сексуального подтекста. Просто быстрый и цепкий взгляд, который заставил меня сомневаться в той роли, которую он играл на корабле.

— Я всего лишь хотел предупредить, госпожа Элизабет, что вам стоит сменить обувь, — как ни в чем не бывалоотреагировал тот. — Вы можете сломать каблук.

Если он рассчитывал меня смутить — зря надеялся. Я и без него знала, что ходить на моих шпильках если где и можно, то только по каюте. Коридоров, в отличие от пассажирских лайнеров, здесь не было, только ярусные галереи из похожего на соты металлопластика.

Шаевский дал повод собой заинтересоваться, я решила последовать предупреждению выработавшегося за годы службы чутья. А оно говорило, что лучше выглядеть глупой и капризной, чем умной и опасной. Выставлять себя совсем уж дурой я не собиралась — как-никак, а журналистское реноме существовало, и закрыть глаза на этот факт было нереально, но добавить надменности в образ оно несколько не мешало.

Насмешливо улыбнувшись Виктору — он позволил так себя называть, когда я намекнула, что для него буду просто Элиз, вернулась в каюту. Присев на самый краешек лежанки, олицетворяющей одновременно и постель, и тахту, закинув ногу на ногу, распустила шнуровку одной туфельки. Перекинула ногу, повторила то же самое и со второй.

— Не подадите? — показала взглядом на танкетки, стоявшие у самого входа.

Не сказать, что специально планировала это развлечение, но... грех не воспользоваться

тем, что само идет в руки.

— По корабельному Уставу я не имею права заходить в вашу каюту, — невозмутимо отозвался тот. Словно перед ним не сидела симпатичная барышня.

— Хотите сказать, что вы никогда не нарушали Устав?! — недоверчиво воскликнула я, добавив во взгляд зарождающейся ярости. Чтобы встать и сделать четыре шага, отделявшие меня от обуви, я даже не подумала.

Игра выглядела примитивно, но иногда и она давала результат. Кажущаяся мужественность не всегда означала твердый характер.

Единственное, что меня несколько ограничивало в методах, — прикрытие тенью. Напарником мог быть кто угодно, даже этот самый Виктор. Данные о сотрудниках отдела поддержки были только у директора Службы Маршалов, и использовали их до первого контакта. Еще одна причина для нас действовать чисто, от этого зависело будущее других.

Капитан на мгновение опустил ресницы — ох, и не понравилось же мне это! Потом с едва прикрытой улыбкой издевкой в голосе произнес:

— Я был в группе Майского.

Не знаю, на что он рассчитывал, делая это признание, но я просто встала и прошла босиком эти четыре шага. Этот парень знал не понаслышке, кто такая журналистка Элизабет Мирайя, но это не означало, что я не смогу подобрать к нему ключик.

Если понадобится, конечно.

Полковнику Майскому и его команде не повезло встретиться со мной в недобрый для них час. Оторвалась я на этом деле по полной, продемонстрировав все прелести выпущенной на свободу стервы.

Ничего другого мне тогда не оставалось.

Задача у меня была не из легких. Цель — маньяк и садист Оли Ваер. Брали его трижды, в двух случаях ему удавалось сбежать еще по дороге в тюрьму. Скользкий, хитрый, великолепно знающий психологию людей и умеющий извлекать пользу из этих знаний.

Взять-то я его взяла, но... по документам он значился воякой, да еще и дезертиром, по его следу как раз и шла группа полковника.

Так что я правильно угадала, мальчик, стоявший напротив меня, не относился к разряду безобидных. Служба безопасности, если ничего не изменилось за последние два года, а то и что посерьезнее.

В тот раз мне пришлось вызывать Эдика, он и вернул Ваера в систему. Ну а я сдерживала бойцовские инстинкты СБешников, устроив им игру в разоблачения.

Не знаю, появились у них в конце концов какие либо догадки на мой счет или нет, но эта новая встреча не сулила ничего хорошего.

— Так это же просто замечательно! — с восторженной улыбкой повернулась я к нему, надев танкетки. Прокол, конечно, со стороны шефа, но разве такие сюрпризы кого-нибудь из маршалов останавливали?! — Я так рада, что именно вы будете опекать меня в этом полете.

Заледеневшее лицо и застывший взгляд стали мне достойной наградой.

Будем считать, что мне повезло, и тренировка собственной наглости будет приближена к учениям в боевой обстановке. Хотя какая-то гарантия, что, когда прибудем на Зерхан, они предпочтут держаться от меня подальше.

Пока добирались до кают-компания, прикинула и план действий, и возможные причины поведения Шаяевского.

С командой Майского я встречалась два года тому назад. Воды столько утекло, что любое желание отыграться уже успело бы взрасти, отцвести и увянуть. У него что, других проблем не хватало, кроме как устроить мне вечер воспоминаний?!

Трудно поверить, его интерес был в чем-то другом. И, что было важнее для меня, это другое вполне могло иметь отношение к тому, чем предстояло заняться мне. О том, что Горевски занимался промышленным шпионажем, я не забывала ни на мгновение.

Ответов пока не было, мне оставалось только вступить в игру и попытаться найти их до того, как станет поздно.

Первый этап задуманного относился к разряду начальных и назывался: ввести в заблуждение.

Из шести офицеров (с количеством я ошиблась), присутствующих в малой кают-компания, где проходил ужин в мою честь, кандидат на роль подопытного кролика был только один — капитан третьего ранга Виктор Шаяевский. Кого вводить в заблуждение, так именно того, кто со мной уже сталкивался. Испортить впечатление, подготовив остальных к моему нелегкому характеру, мог только он. То, что демонстрировала я его только в критических ситуациях, ничего не значило. Он об этом просто не знал.

К тому же посадили нас рядом друг с другом. Вряд ли случайность, что опять подтверждало мои подозрения насчет должности, которую он занимал на крейсере.

Да и на крейсере ли?!

Вопросы продолжали множиться, иллюстрируя старую маршальскую байку, гласящую, что в первые три дня нового дела даже опытный маршал подумывает о том, как бы безболезненно застрелиться.

Шутка, но так подходящая к этой ситуации.

— Вы не подадите мне соль? — улыбнулась я ему. Ни лукавства, ни насмешки, ни нарочитой доброжелательности. Просто дань вежливости. — Прошу прощения, господин Райзер, что перебила вас. Вы удивительный рассказчик!

Рассказчик из каперанга Райзера и правда был отменный. Еще бы разбираться в том множестве терминов, которыми он сыпал, повествуя о своем участии в Хастерском сражении.

Конфликт был пограничным, обошелся одним боем, но весьма кровопролитным. В свое время о нем много писали, да и сейчас нет-нет да вспоминали. Как пример недальновидной политики и оторванной от действительности стратегии.

Польщенный моей оценкой, Райзер вновь начал воодушевленно объяснять, почему он, тогда еще капитан среднего крейсера, отказался выполнять приказ и начал действовать на свое усмотрение.

Стоило заметить, что именно данный факт и открыл ему дорогу в Высшую Академию космического флота. Но прежде чем это произошло, был трибунал, на котором будущий каперанг не только сам себя защитил, так еще и доказал, что командование в этой операции действовало безграмотно и преступно.

Так что, лгая ему, душой я не кривила, слушала внимательно. Как раз в таких беседах лучше всего набираться опыта. Никакой тебе сухой теории, все на практике, пусть и чужой.

— Вы не нальете мне воды? — смутившись, вновь попросила я Виктора.

Райзер бросил на своего офицера по особым поручениям тяжелый взгляд.

Я сделала вид, что не заметила.

Капитан невозмутимо выполнил мою просьбу и продолжил аккуратно разрезать мясо на одинаковые кубики.

Поразительная выдержка и глазомер!

— Может быть, вина? — поинтересовался Райзер, торопясь загладить черствость своего подчиненного.

Я, благодаря, опустила ресницы.

— Мне известно о сухом законе на борту. — Опять улыбнулась, с толикой смущения убрала за ухо выбившуюся из простенькой прически прядь. — Не стоит нарушать правила ради столь скромной гостьи, как я.

Идиотом Райзера я не считала. Когда узнала, как именно буду добираться до Зерхана, просмотрела о нем все, что было доступно. Если не ошибалась в своих оценках, для него существовали лишь два типа женщин — серьезные матроны, знающие, что такое порядок и дисциплина в доме и умеющие его поддерживать в отсутствие главы семьи, и воспитанные дочери, слушающие своих папá и мамá.

Матроной я не могла быть по определению, оставалось — воспитанной дочерью. Именно этим путем и следовала. Достаточно сейчас произвести впечатление, чтобы все остальные мои выходы полностью выпали из его поля зрения. Он в них просто не поверит.

Пока оценивала собственные действия, едва не пропустила вопрос одного из помощников Райзера.

— Если это не является тайной журналистского расследования, не расскажете, что именно вас заинтересовало на Зерхане?

Второй помощник — Станислав Левицкий, каптри, как и Шаевский. В досье, которое мне передал Ванó — наш ангел-хранитель из вселенной информационной поддержки, стояла особая пометка: фактический статус неизвестен.

Что это значило? Да вот это самое — все что угодно в фантике из невинных вопросов. Но пока я в этом не убедилась лично, предпочла приоритеты не менять.

— Не является, — с толикой равнодушия отозвалась я, взглядом давая понять Райзеру, насколько я огорчена тем фактом, что мне не дали дослушать его рассказ. Каперанг ответил добродушной улыбкой и очередным жестким взглядом указал Виктору на мою тарелку. Она была практически пуста. — Меня интересует судьба женщин, которые после беспорядков на Шираще последовали в ссылку за своими мужьями.

Левицкий слегка нахмурился, словно припоминая, о чем именно я говорила, потом недоверчиво произнес:

— Так ведь это происходило более ста стандартов назад?!

Второй помощник капитана со столь хорошим знанием внутренних конфликтов интегрируемых в Союз планет?!

Как сказал бы Ровер: «Примите стойку и подумайте, относится ли это к тому чудному, что довольно часто встречается в нашем мире, или вы просто чего-то не понимаете?»

В моем случае был как раз второй вариант.

— А разве с тех пор способность к самопожертвованию перестала быть достойным уважением качеством? — с недоумением уточнила я у него, чувствуя, как напряглось колено Виктора. Коснулась я его ногой вот уже как минуты две назад, реакцию получила только сейчас. — Мы провели опрос среди своих читательниц, более чем сорок процентов респондентов ответило, что могли бы повторить их поступок.

— И никаких скандалов? — чуть слышно прошептал Виктор, наклонившись ко мне. Можно было начинать себе аплодировать, но я не торопилась.

Чтобы отвести от него подозрения (иногда стоит сыграть по чужим правилам, чтобы лишить бдительности), указала на блюдо, стоявшее на другом конце стола.

Там были просто великолепнейшие маронки — кусочки слегка кисловатого плода, завернутые в тончайшие мясные медальоны и политые пряным соусом.

И ведь не придерешься! Разве я виновата, что его поставили так далеко от меня.

Ответом капитана я, естественно, не удостоила.

— Вряд ли кто-то из них еще жив, — между тем продолжил Левицкий. — До полной колонизации выжить на Зерхане было непросто. Тем более сосланным.

Кивнув сразу обоим, и соглашаясь, и благодаря, сделала глоток воды и только после этого ответила Станиславу. В моем личном рейтинге подозрительных субъектов он все еще занимал второе место. После Виктора.

Почему не первое? Все очень просто. Несмотря на утверждение Шаевского, что он входил в группу Майского, я его не помнила. А память на лица у меня... профессиональная. Помощник же капитана пока что показывал лишь хорошую осведомленность. Подозрительно, но не более того.

— Я надеюсь отыскать их потомков. Мне уже обещали доступ в главный архив Зерхана. Осталось договориться с командованием пограничной базы. Насколько мне известно, часть документов после завершения процесса интеграции передали туда.

Вот тут они и скисли. Не то чтобы явно, но некая растерянность проявилась.

Чтобы продемонстрировать свои стержневые наклонности, совсем не обязательно смотреть снисходительно или убивать язвительными фразами. Достаточно быть независимой и... уметь наносить точечные удары в самые болевые точки.

У парней, собравшихся за этим столом, самой болевой точкой были их секреты. А в данном случае они явно были! А еще присутствовало мнение, что я могу на них посягнуть.

Странная ситуация, вроде и ни при чем, а уже виновата.

В очередной раз не заметив произошедшего, с ожиданием посмотрела на Левицкого, уточняя, будет ли продолжение банкета.

Тот оправдал мои надежды.

— Вы уже подали запрос? — довольно быстро вернув себе невозмутимость, поинтересовался Станислав.

Одна фраза, и он приблизился в моем рейтинге вплотную к Виктору. Общение с ним начало напоминать допрос. Слишком явно и открыто, чтобы быть правдой. Возможно, принимает удар на себя, отводя подозрения от кого-то другого.

Шаевский?

Пока в игре были только трое из шести.

А Левицкий между тем решил довести разговор до понятного лишь ему конца:

— Наша бюрократическая машина довольно инертна, если не озаботиться заранее, можно потерять время.

Как же мне не понравился этот намек на время! После него ощущение, что меня здесь считали более опасной, чем на самом деле, только усилилось. А раз так...

— Я надеюсь, что для меня будет сделано исключение, — спокойно, словно все это было уже давно решено, произнесла я, из-под полуопущенных ресниц наблюдая за Левицким.

Это не мешало мне видеть и остальных. Если кто не попадал в поле моего зрения, так Виктор, сидевший справа от меня, и командир десантной группы, расположившийся слева. Но этот меня мало интересовал.

Командир десантной группы...

Все, что мне оставалось, — вспомнить собственного шефа самыми крепкими словами, которые были в моем лексиконе. Если свести воедино все, что уже удалось узнать за этот вечер, можно было делать вывод: вояки готовят на Зерхане мероприятие.

В таком варианте появление там моего подопечного вряд ли стоило считать простым совпадением, и Лазовски об этом не знать не мог.

Как же я вас люблю, помощник директора Службы Маршалов!

Боевой крейсер — не пассажирский лайнер. Смотровой палубы, куда можно было бы попросить себя сопроводить, здесь нет. А между тем мне было просто необходимо общество Виктора.

Рассчитывать, что меня будут и дальше приглашать на завтраки, обеды и ужины в компании старших офицеров, не приходилось. Если только перед самой посадкой, но тогда будет слишком поздно.

Оставался только один выход — действовать нагло.

Стоит или не стоит игра свеч, я взвешивала полночи, а в семь часов по корабельному времени меня поднял сигнал смены вахт. Сомневаюсь, что просто забыли отключить каюту, скорее именно так и задумывалось.

Хоть и мелкая, но месть.

Ход их рассуждений мне нравился. Значит, действительно оценили и теперь решили слегка потрепать нервы.

Наивные! Когда начиналась охота и верх брали инстинкты, мне на сон хватало и четырех часов. Пару недель продержусь, если не уложусь за это время, воспользуюсь капсулами энергоподдержки. Потом, правда, буду спать сутками, но это уже не будет иметь значения.

Но им мои возможности не были известны, что меня вполне устраивало. В нашем деле главное — точная оценка. А переоценили или недооценили — не имело значения, все равно ошибка.

В половине восьмого вахтенный вежливо уточнил, пройду ли я в столовую, или предпочту принимать пищу у себя. Так же вежливо ответила: сегодня у себя, потом — посмотрим.

Выбор тоже был нелегким. С одной стороны, можно было посмотреть на обстановку, если и не послушать, так хотя бы ощутить настроение на корабле. С другой, я пока как диковинная птица. Пусть привыкнут к моему присутствию на борту. К ночной вахте слухи о моей скромной персоне сделают пару оборотов по постам и отсекам и начнут стихать. Вот тогда и стоит явить себя народу.

Спустя час я связалась с Шаевским и попросила от моего имени поинтересоваться у капитана, могу ли я воспользоваться их каналом связи. Вроде как надо получить информацию, которую мне должны были подобрать.

То, что не откажут, знала точно. Подозрений тоже никаких. Опять же играли роль отличия между военным и гражданским кораблем. Лети я на лайнере, имела бы неограниченный доступ к внешней сети.

Прошло минут десять, и Виктор поинтересовался, сколько времени я планирую провести во внешке.

Его вопрос поверг меня буквально в шок. Не знаю, как это выглядело со стороны, общались мы через внутренние коммуникационные сети, но я едва не задохнулась от возмущения.

Как это «сколько»?! Я журналистка или так... погулять вышла?! Сколько надо, столько и буду!

Мне бы радоваться, мой уже почти личный офицер для особых поручений практически спалился, позволив увидеть хищнический блеск в своих глазах, но я не торопилась

праздновать победу. О том, что этот тип не так прост, я и так знала. А вот в чем выражалась именно эта «непростота», мне только предстояло понять.

Мои возмущения Виктор выслушал довольно спокойно, заработав огромный плюс. Не скажу, что я рассчитывала на его эмоции, но все равно приятно, когда против тебя не сдюжат.

Впрочем, о том, что он может быть моей тенью, а значит, полностью подготовленным к контакту, я не забывала.

Еще через пятнадцать минут мне сообщили, что, как только я буду готова, меня проводят в отсек к связистам и даже выделяют отдельный терминал, пользоваться которым я могу столько, сколько захочу. Без ложки дегтя, правда, не обошлось, но к ней я тоже была готова. С вояками сталкивалась не в первый раз, их правила знала. Пусть и не тотальный, но контроль. Выборочная запись, визуальный просмотр, проверка на шифрование.

Что ж... я не собиралась их разочаровывать. У нас были свои, весьма невинные, но надежные способы.

Ровно в девять я вышла из каюты, прихватив рабочую тетрадь, в которой «вела» записи по расследованию. Почерк в ней был мой — без экспертизы и не разберешь, но писала не я. Это называлось — оперативная калька. Попробуй теперь докажи, что о своей поездке в дебри Зерхана я узнала лишь чуть более суток назад.

Капитан Шаевский меня уже ждал. Чтобы напомнить, кто есть кто, окинула его не столько язвительно-оценивающим взглядом, сколько внимательным. Удовлетворенно кивнула — повседневная форма шла ему больше, чем парадная. Там была некая вычурность, показушность, здесь же более явно проступала его личность. Ни одной лишней складочки, но сохраняет свободу движений. Не самый новый комплект, но идеально выглажен и вычищен.

— Приятно хоть кого-то видеть с утра бодрым, — пробормотала я, намекая на раннюю побудку. Обменяться приветствиями мы с ним уже успели.

— Следующая вахта сменяется в тринадцать по корабельному, — словно и не ко мне обращаясь, отозвался он.

Это был намек, что я могла спокойно задержаться в каюте и подремать, а не носиться, как ужаленная в то самое место, которое Эд ласково называл роскошным нижним.

— Волка лапы кормят, — фыркнула я, слегка подправив одно из понравившихся выражений, которыми когда-то баловались наши предки, — а журналиста — вовремя сданный репортаж.

— А я всегда считал, что красивая барышня должна служить украшением, а не уподобляться хищнику, о котором вы упомянули, — парировал он с такой внутренней убежденностью в своей правоте, что мне прямо-таки стало неловко.

Интересно, что бы он сказал, узнай о том, за что именно ценит меня шеф? Уж точно не за эффектную внешность.

— Вы хотите исправить эту несправедливость? — заинтересованно уточнила я, еще раз пройдясь по нему взглядом снизу вверх. Задержавшись на нашивках, тяжело вздохнула и пожалала плечами — такая красота, как у меня, не для капитана...

Думала, смутится — не тут-то было. Спокоен, как техлакский броненосный саблезуб. У того естественных врагов нет, кроме таких же, как он. Вот и этот, ни усмешки в глазах, ни обиды, словно и не для него извращалась в словесности.

— Если вы настроены поработать — нам стоит поторопиться. После полудня войдем в

зону неустойчивой связи, могут быть проблемы.

Жаль, что я не могла высказать все, что думала об их методах борьбы со мной! Вано никогда не отпускал нас на прогулку, не дав полный расклад по возможности связаться с ним. На всем пути от Земли до Зерхана был только один аномальный сектор. Прошли мы его как раз в ночную вахту.

— Вот тогда мы и договорим, — мило улыбнулась я ему и, прижав планшет и тетрадь к груди, всей позой продемонстрировала, что, как школьница, готова следовать за ним.

Не знаю, что по поводу счета, но беседой я была довольна. Соскучиться за оставшиеся три дня я точно не успею.

* * *

— Ваш терминал, — указал мне Шаевский на стоящее отдельно рабочее место. Полукруглый стол, эргономичное сетчатое кресло, стержень-трансмиссер трехмерного экрана. Лучше трудно придумать. Четкость и объемность те же, что и у голографических, но у этого создавалось защитное заднее поле, обеспечивая индивидуальный просмотр. — Код доступа вам передаст дежурный офицер, как только вы подключитесь. Когда закончите, предупредите его же, я сопровожу вас обратно.

— Кажется, вы мне не очень-то доверяете? — чуть склонив голову, лукаво улыбнулась я. Получилось неоднозначно, то ли не удержалась от легкого флирта, то ли как раз его и пыталась избежать.

— Вам? — окинул он меня оценивающим взглядом. Снизу вверх. Как и я его совсем недавно. — А стоит?

— Предлагаю попробовать. — На этот раз иронию выдавал только блеск в моих глазах. — Я даже готова сделать первый шаг.

Говоря, я положила на стол планшет и тетрадь. Последнее — не дань моде. Новые интеллектуальные информационно-коммуникативные системы требовали тонкой моторики пальцев и определенной мыслительной дисциплины. Умение писать, выводя буквы, способствовало их развитию в большей степени, чем специальные тренировки.

Так что в нашу жизнь вновь начали возвращаться и написанные от руки признания в любви, и бумага, пусть и из поляризованного многослойного пластика, и ручки, хоть и световые.

— И каким же он будет? — Уже отойдя от меня, остановился Виктор.

— Ну, например, — я уменьшила расстояние между нами, приблизившись к нему почти вплотную; взгляд вахтенного связиста грозил пробурить во мне дырку, — я скажу, что вас точно не было в группе полковника Майского.

Тот фыркнул, закинул голову назад, словно рассматривая что-то на потолке. Потом улыбнулся... открыто и обаятельно.

— А я отвечу, что вы меня просто не заметили, и приведу в качестве доказательств множество нюансов той операции.

Я пожала плечами, обиженно хлопнула носом, вызвав на его лице быструю смену гримас: от ошарашенной до... многообещающей.

— Но так же не интересно, — протянула я голосом незаслуженно обиженного ребенка. — Закончить, еще и не начав!

Его улыбка на мгновение стала растерянной, чтобы тут же заискриться иронией. Вот ведь... тип, так несложно и голову потерять. Пусть и временно, но... чревато. Нужно было действовать быстро и резко, меняя тактику.

— Но этим мы займемся позже, — вернув лицу серьезность, успела произнести я, пока он соображал, что ответить. — Пока мы с вами тут беседуем ни о чем, убегает то самое время, которого у меня и так мало.

Комментировать мое непостоянство, как и заострять на нем внимание, Виктор не стал. Резко опустил голову, почти достав подбородком до груди — особый шик, выпрямился, демонстрируя идеальную осанку, и, не сказав ни слова, покинул отсек.

Признав боевую ничью, я опустилась в кресло. Оно тут же зашевелилось подо мной, принимая наиболее удобную для тела форму. В таком не составляет проблемы просидеть несколько часов без движения. Вокруг создается воздушный кокон с волнообразно изменяющимся давлением.

Одно плохо, я всегда после него хотела есть. Сильно.

Положив планшет на разметку стола, ввела код журналистки Элизабет Мирайи, дождалась, когда на панели справа вспыхнет череда символов — допуск во внешку через каналы крейсера. Еще пара минут, и на посветлевшем экране появилось лицо Валенси, редактора журнала, в котором я подвизалась.

— И в чем я перед тобой провинилась? — надменно-язвительно поинтересовалась я у подруги.

В другой ситуации кинулась бы ей на виртуальную грудь, начав с того, как соскучилась, и продолжая комплексной оценкой окружавших меня мужчин. И не важно, что расстались всего как день, тут каждый час, как вечность.

На этот раз обошлись без лирики. Обстановочка не та.

И, похоже, не только у меня.

Судя по тому, что видела, она была в бешенстве. Во всей Галактике было лишь одно существо, способное довести ее до такого состояния, — Ваню. Тот самый Ваню, который являлся нашим информационным ангелом-хранителем.

Нечто подобное происходило у них если не каждый день, то через день, так что уже давно никто не обращал внимания. Милые бранятся — только тешатся. Это было про них. Бурные ссоры, не менее бурное примирение. Им — нравилось, к чему тогда беспокоиться?

Чем я занималась в свободное от журналистики время, Вали знала. Когда-то сама была маршалом, в нашем же отделе. И тоже под руководством незыблемого, как физический закон, Ровера.

Потом была дикая любовь, закончившаяся ребенком и браком. Именно в такой последовательности.

В отношении малыша у моей подруги не возникло ни малейших сомнений. Как только поняла, с чего это ей так отвратительно по утрам, решила — рожать. С будущим мужем ситуация была значительно хуже. Категоричное: «Мне хватит и одного ребенка», — сопровождалось указанием на дверь.

В чем-то она была права. Во всем, что не касалось добычи информации и выжимания из нее крупиц чего-нибудь действительно стоящего, он был сущим дитем. Ну или хотел таким казаться. У меня были точные сведения, что в информцентр Ваню попал после тяжелого ранения.

— Ты про задание или крейсер? — тут же забыв про великовозрастного дитя, как

называла мужа, поинтересовалась Вали. Нехорошо так поинтересовалась, с намеком на крупные неприятности тем, кто посмел обидеть ее журналистку.

На девяносто девять и девять десятых процентов — игра. Но настолько качественная, что не придерешься. Будь на моем месте кто другой, она бы точно, случись такая необходимость, волосенки повыдергивала, в данном же варианте... оставит это развлечение для меня.

— Про крейсер, — криво улыбнулась я, постукивая пальцами по столу. Я даже знала, у кого переняла эту привычку. — Кто заверял, что четыре дня отдыха в комфортных условиях мне не помешают?

Она, задумавшись, машинально потерла лоб указательным пальцем — Вано подключился, Ровер на связи.

— Так и знала, что от них не стоит ожидать ничего хорошего! А ведь клятвенно обещали, что тебя встретят, как родную бабушку, — опасно сощурившись, наконец произнесла она.

Фраза означала, что, по данным Странника, на крейсере не должно быть ничего подозрительного.

Ну-ну... На мой взгляд, подозрительным был уже сам крейсер. О его команде разговор был особый.

Но вместо этого я грустно вздохнула, словно смирившись с тем, что так получилось, и произнесла:

— Значит, у нас разное понимание того, как встречают родную бабушку.

Закончила и... пожалела, что находилась сейчас не в кабинете Ровера. Уж больно хотелось посмотреть на его физиономию, когда он услышит мою реплику. Ее весьма вольный перевод гласил, что хотела бы я знать, какой *** дилетант готовил эту часть операции. В более точной трактовке, все выглядело не столь страшно. Я просто предупреждала, что столкнулась с тем, что может осложнить мои дальнейшие действия.

Валенси думала недолго. Ее взгляд стал тяжелым, ноздри раздулись, заставив меня инстинктивно отшатнуться. Кресло мягко приняло меня в свои объятия, словно намекая, что дальше отступать некуда.

— Дай мне час, и у тебя будет капитанская каюта и два его помощника в качестве стюардов. И разговаривать ты со мной будешь не от связистов, а...

— Остынь, — сменив гнев на милость, многозначительно улыбнулась я подруге, давая понять, что причина ее реакции от меня не ускользнула. Нас слушали. Теперь и с моей стороны. — Ты же знаешь, неудобства делают журналиста злее.

Теперь уже улыбалась и она. Самодовольно. Вот, мол, какие кадры подготовила!

Имела право. Моей наставницей в журналистике была именно она. В маршальской службе полученные у нее навыки тоже лишними не были.

— Уговорила, злая журналистка, — продолжила Вали уже другим тоном, — есть идеи, с чего начинать?

— Как и говорили, — приняла я деловой стиль общения. Пусть речь шла и о расследовании, определенные слова должны были дать Роверу достаточно информации для нужных мне выводов, — с главного архива. Подтверждение от них я уже видела в почте. Еще сбросила запрос в аналитический центр, меня интересует выборка по расовой принадлежности и генным группам сосланных и их потомков.

— Считаешь, что проблема может...

— Не считаю, Вали, — перебила я ее. — Но ты же знаешь, у меня — нюх. — Когда мысль мелькнула, я сама ужаснулась, а потом подумала и... Окраинная планета, фактически предоставленная сама себе. Всех сдерживающих факторов — база пограничников, но и она на дальней орбите. В случае чего — запас по времени.

— Не хотелось бы мне, чтобы ты была права, — опять тяжело вздохнула она. — Мне бы радоваться, такой материальчик можно заполучить, но... Наверное, я неправильный главный редактор.

Я усмехнулась вместе с ней.

— Давай не будем загадывать. Лучше попробуй добыть мне допуск к архивам базы. И...

Теперь перебила она. Выглядела при этом загадочно.

— Уже! Транспорт дожидается тебя в порту. Вместе со страховкой. Возвращать не обязательно!

Ну, Ровер! Ну, шеф! Похоже, разбитый в пыль гоночный кар он мне будет вспоминать до конца моей жизни. А ведь все на благо любимой конторы!

— Это было лучшее известие за весь день, — кровожадно усмехнулась я. — Считаю, что репортаж уже у тебя. Можешь готовить анонс.

— Смотри, — подмигнула она мне, довольно потирая кончики пальцев, — ты — обещала.

Отключилась она раньше, чем я успела сказать какую-нибудь гадость.

Но... она была права, меня за язык никто не тянул, так что придется думать не только о загадках СБ, поиске Горевски, но и о взрывоопасном материале для подруги.

Боюсь, за последнее выговор от Ровера мне обеспечен. Он не любил, когда мы рисковали своей жизнью не ради его заданий.

* * *

Закончив разговор с Вали, я загрузила из внешки интерактивную карту Зерхана. На второй экран вывела данные, полученные из центрального судебного архива.

Больше двадцати тысяч имен, за каждым из которых прошлое, приведшее к приговору, неслучившееся будущее, несбывшиеся мечты, несозданные семьи, нерожденные дети...

Беспорядки начались в грузовом порту, перекинулись на небольшой городок, приютившийся у того под боком — Шираш и сейчас оставался планетой отнюдь не первого плана, — и покатались волной, обтекая мелкие сельскохозяйственные фермы и будоража поселения покрупнее.

Причина была банальна — голод. Колонизировать — колонизировали, а ради чего это сделали, так и не поняли.

Освоили только один материк, еще на двух бывали лишь разведочные команды. Климат ничем не примечательный, где-то чуть холоднее, где-то жарче, где-то есть вода, где-то ее не хватает.

Выделяйся планета чем-нибудь стратегически важным, получила бы особый статус. А вместе с ним — инфраструктуру; дотации, позволяющие по более доступным ценам закупать технику; инвестиции, дающие возможность строить заводы и производить то необходимое, в чем нуждалась колония, чтобы успешно развиваться.

Не получилось. Вместо этого один «ушлый» тип решил устроить на планете

экологически чистую курортную зону. А спустя десять лет после того, как ему это удалось, началась резня.

Сначала это был стихийный митинг, затем — кровавая бойня, закончившаяся вводом войск.

Кто прав, а кто виноват — почти не разбирались. Все, у кого оказалось оружие... Оружие было практически у всех.

Третью часть отправили на рудники купольной колонии Трош, остальных — тоже на рудники, но Зерхана. В отличие от Троша Зерхан был открытой планетой, не требующей особого допуска, так что женам, пожелавшим отправиться вслед за своими мужьями, не отказали.

Работая «в четыре руки», как я сама называла этот процесс, течения времени совсем не замечала. Рассматривала голоснимки, изучала биографии, так сказать, «до» того периода, который интересовал, и одновременно с этим «гуляла» по городу, в котором мне предстояло искать моего бегунка. Попутно успевала делать записи в тетради. Символы, условные обозначения, ассоциации, неожиданно возникающие в голове мысли.

Иногда появлялось ощущение, что меня тут несколько. В какой-то мере так оно и было. Результат специальных тренингов для тех, кому приходилось работать под прикрытием. Самое главное — не забыть, какая ты на самом деле.

Мне в этом плане было легче, все мои копии отличались моим же скверным характером. Ощущение присутствия постороннего рядом с собой сбilo рабочий ритм, вызвав желание скинуть кому-нибудь на голову что-нибудь тяжелое. Вывалиться из процесса — легко, вернуться...

— Вы что-то хотели? — не слишком дружелюбно поинтересовалась я, разворачивая кресло к стоящему сбоку офицеру. И тут же улыбнулась, прося простить. Тот молча протянул кружку-непроливайку, из-под крышки которой тянуло ароматом настоящего кофе. — Извините, я просто не ожидала...

Стерва — стервой, но я умела быть благодарной.

— Вы уже три часа не отрываетесь от экрана, я подумал...

Он не смутился, но взгляд на мгновение опустил.

— Вы — мой спаситель! — добавив немного патетики, с чувством произнесла я. — Еще бы сигарету...

— Вы же не курите! — с легкой иронией тут же отозвался тот, принимая приглашение к разговору.

У меня, конечно, было чем заняться, кроме очередного любопытного экземпляра, знающего обо мне достаточно, чтобы не ошибиться сразу по трем пунктам. И сорт кофе, и время, когда он мог мне потребоваться, и сигареты. Я действительно не курила.

Но если я собиралась разобраться с тем, чем же их пугаю, не стоило разбрасываться предоставляемыми возможностями.

— Но я же могу помечтать.

Я продолжала сидеть, откинувшись на спинку кресла, он — стоял напротив. Мой ровесник или чуть старше, вряд ли с Земли, слишком яркий цвет глаз, такие бывают только у выходцев с Аршона или Эльдореи. Местные мутации.

Как принято на флоте, коротко стриженные волосы, едва заметная небрежность в одежде, расстегнут верхний фиксатор на кителе. Но в этом нет ничего предосудительного, дежурство — не парад, да и из начальства в отсеке только он один. Выправка... Ничего, за

что бы мог зацепиться взгляд, раскручивая ассоциативную цепочку. Таких, как он, на крейсере двенадцать на дюжину и еще один. Нашивки капитана третьего ранга и имя под ними — Истер Ромшез.

Начальник службы связи в качестве дежурного офицера? Кто говорил, что не за что зацепиться?!

Этот крейсер не нравился мне все больше.

— Через час — обед, а через тридцать минут мы войдем в зону молчания. Если хотите, могу создать для вас хранилище данных.

Встать и расцеловать было лень, я уже успела сделать первый глоток и несколько расслабиться, а вот поощрительно улыбнуться — вполне.

На планшет я не смогла бы взять даже карту порта Зерхана. Интересуй меня только одномоментный срез, проблем бы не было, а вот затянуть в память послойную суточную кальку, да еще и прихватив несколько крупных городов, расположенных в нужных мне окрестностях, было нереально.

Но только в таком формате можно было не просто изучить местность, но и обратить внимание на тонкости, от которых могла зависеть моя жизнь. Движение теней от светила в течение дня, ночная освещенность секторов, в которых предстоит работать, потоки людей и каров, загруженность станций подземок.

Мелочей в моей работе не бывало. И в той, и в другой.

— Очень хочу! — кивнула я задорно, тряхнув шевелюрой, и сделала еще один глоток. — Кофе удивительно хорош! Разведка донесла?

— С информацией работать умеете не только вы, — хитро прищурился каптри и кивнул вахтенному, видеть которого я не могла. По-видимому, уже успел предупредить, что потребуется сделать. — Как только стало известно, кто именно станет нашим пассажиром, подняли все доступные базы. Судя по тому, что раздобыли, вы — страшная женщина.

Свободной рукой я прикрыла лицо, пряча смех в ладонь. Увы, удержаться оказалось трудно, стоило только представить картинку. Сидит Вано за своим огромным пультом, перехватывает запросы желающих узнать, кем же является Элизабет Мирайя, и вместо настоящих персоналок подсовывает подготовленные службой.

А после этого еще и всплывает моя незабываемая встреча с Майским...

И доказывай теперь, что без причины ты на людей не кидаешься.

Смех я оборвала резко, надо же оправдывать свою репутацию.

— Вы ведь с Эльдореи? — все еще улыбаясь, поинтересовалась у капитана и только теперь заметила то, что должна была увидеть или хотя бы почувствовать раньше.

Непростительная беспечность!

Впрочем, иногда и она играла на руку.

У входа в отсек стоял Виктор и наблюдал за нами. А ведь мой собеседник просто обязан был знать о его появлении!

— А почему не с Аршона? — не прервал общения мой визави.

Не обращая внимания на новое действующее лицо, он подал свой планшет, чтобы я ввела ссылки на загрузку и свой код доступа к созданному хранилищу.

— Цвет кожи, — набирая символы, ответила я. Кофе пришлось отставить на рабочий стол. — Мне довелось встречаться с аршенианцем. Он к тому времени уже с десятков стандартов, как покинул свою планету, а сероватый оттенок так и остался.

— Вы очень наблюдательны, — освобождая мои руки, заметил Истар и только после

этого отступил на шаг назад. — Кажется, это по вашу душу.

Он больше не улыбался, но... в его глазах было веселье, словно все происходящее доставляло ему удовольствие.

— Кажется, — с тяжелым вздохом подтвердила я и чуть слышно прошептала: — Но ведь вы меня спасете? Если что...

— Как прикажет моя госпожа, — уже разворачиваясь, чтобы отойти, заверил он и так же тихо добавил: — Виктор читает по губам.

Целых два весьма ценных замечания. Еще бы понять, что с ними делать?

Геннори, откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза, еще раз прослушал запись разговора Элизабет и Валенси. Ничего нового услышать не мог — каждое слово запомнил еще с первого раза, да и интонации не пропустил, но напряжение слегка схлынуло.

Когда ставил на поиски Горевски Мирайю, был уверен, что без очередных проблем не обойдется — умела она притягивать к себе нестандартные ситуации, но чтобы все началось так скоро... признаться, не рассчитывал.

Но других вариантов не было. И дело даже не в профессионализме сотрудницы, тот же Эскильо ни в чем ей не уступал, но когда вопрос касался таких личностей, как эта — осторожных, изворотливых, способных чувствовать ловушки кожей и обходить их стороной, — оставалась лишь она.

Слишком яркая, бросающаяся в глаза, чтобы заподозрить ее в двойной игре, слишком самостоятельная и независимая, чтобы не проявилось желание заполучить себе, сломить... сломать, попытки чего уже случались в ее работе.

Или, на что Ровер рассчитывал, внимательно изучив биографию Горевски, предложить поучаствовать в очередной аванюре, ощутив такую же мятушуюся душу.

Но вот чего Лазовски не ожидал, так это происходящего на крейсере.

Впрочем... Кривая усмешка коснулась идеально очерченных губ, придавая лицу хищническое выражение. Еще не голод, но уже его приближение.

Он действительно не ожидал, но вполне мог понять, кого благодарить за развлечения своего маршала.

Выпрямившись в кресле, набрал код вызова.

Ждать пришлось долго, он успел просмотреть последние сводки и даже обратить внимание на кажущуюся незначительной информацию, которую пропустили аналитики. Речь шла о гастролях труппы театра «Сантарин». Той самой, где блистала мать их виртуозного подопечного.

Те отправлялись на Приам. Единственный сектор, где Горевски не оставил за собой жирного следа.

Сделав пометку для отдела анализа, потянулся, надеясь хотя бы сегодня добраться до зала. Тело привыкло к нагрузкам, а последние дни выдались напряженными, но сидячими.

Боковым зрением заметил настроечную таблицу — вызов все-таки был принят, отключил рабочий планшет. Будущий собеседник умел делать правильные выводы из самых невзрачных фактов.

— Извини, был слегка занят, — вместо приветствия произнес полковник Шторм, появившись на экране вместе с куском своей каюты.

Провел пальцем над верхней губой... В прошлый раз там были усы.

— Все-таки сбрил?

— Не сбрил, — на мгновение нахмурившись, буркнул полковник; усы были его гордостью, — а поспорил.

— Это кто ж тебя так? — даже несколько опешил от подобного заявления Геннори.

Со Штормом он учился в одном классе, сообразил еще тогда, что с этим типом лучше не связываться. Феноменальная память и способность на чистой интуиции распутывать сложнейшие логические задачи делали его сильным противником.

— Твой любимчик, — усмехнувшись, отозвался Шторм, без труда догадавшись, о чем только что подумал Геннори. Они всегда друг друга хорошо понимали. Потому и службу выбрали... одну. — Сколько раз зарекался с Таласки не спорить, но не удержался. Теперь любуюсь результатом. — Потом, словно спохватившись, спросил: — Проблемы? Или не с кем было посоветоваться?

Лазовски, склонив голову к плечу, хитро сощурился.

— Только не говори, что не ждал.

Полковник молчал недолго.

— Не скажу! Все равно не поверишь.

Улыбка вышла чуточку грустной и... усталой. Но Геннори не поймался на эту уловку. Шторм был еще тем волчарой, стоит только чуть расслабиться, и вся Служба Маршалов будет танцевать под заказанную им музыку.

Так что Лазовски предпочел просто сделать вид, что не заметил демонстрации. Вальяжно откинулся на спинку кресла, пробежался пальцами по подлокотнику, зля друга. Это была его привычка. Если не сказать, визитная карточка.

Ровер знал, что тому избавиться от нее — пара пустяков, но Вячек не торопился расставаться, продолжая использовать как элемент нагнетания обстановки.

— Одного не пойму, ты их решил проверить, или там действительно что-то назревает?

— Это ты о чем? — тут же ухватился Шторм. Даже наклонился вперед, чтобы рассмотреть внимательнее.

Лазовски нахмурился. Знал, что Славка на это тоже не клюнет.

— Значит, — продолжил он холодно, — я правильно понял: опять твои игры. А у меня там девчонка! Одна! Против твоих хищников.

Реакция Шторма не подкачала.

— Это ты о своей Элизабет? — захлебнувшись мнимым возмущением, прохрипел Шторм. — Девчонка, говоришь?! Одна?! Против моих хищников?! Да они невинные ягнята по сравнению с твоей милой барышней. Я как вспомню, что она с командой Майского сотворила, ночью кошмары снятся.

Геннори хотел возразить, но не стал. Шутки — шутками, но Мирайя не стала бы произносить условную фразу, не будь на это серьезных оснований. Элизабет любила риск, но... не меньше любила и жизнь. Потому при всей своей внешней беспашабашности хорошо знала, что такое разумная осторожность.

— Давай забудем про Майского и вернемся к крейсеру. Моя, как ты говоришь, Элизабет сообщила об осложнениях. Связаны они могут быть только с твоими ребятами.

— Не с моими, — уже совершенно иным тоном отозвался полковник. — Там развлекаются орлы Воронова. Мальчики серьезные, но уж больно прямолинейны. Ты когда сказал, кого именно на Зерхан нужно доставить, я тут же подумал, что им неучтенный фактор не повредит. Да и у твоей девочки взгляд посторонний, незацикленный.

— Чужими руками, значит?! — уже жестче поинтересовался Геннори.

Когда обращался с просьбой, был уверен, что Шторм не упустит возможности, но подобный вариант даже не рассматривал. Не тот уровень. Слишком опасно.

Полковник тон принял. Шутки действительно закончились. Уж если Элизабет хватило суток на крейсере, чтобы нащупать кончик проблемы, то, значит, его решение было правильным. А со всем остальным... он разберется.

— Понадобится, я вмешаюсь. Да и не одна она там, мой человек тоже есть на борту, о

твоей барышне уже извещен. Надо будет, прикроет, все полномочия у него на это имеются. О том, что должен, тоже не забуду.

Лазовски лишь пожал плечами. Удивляться не стоило, если только пользоваться, пока была такая возможность. Шторм предлагал обоюдовыгодную сделку, а ведь мог...

Что такое безопасность Галактического Союза, Геннори рассказывать нужды не было — случалось в его практике. Приказ — и Мирайя будет делать то же самое, но только уже без сопутствующих бонусов.

И ведь не выскажешься, что к воякам их служба не имеет никакого отношения. Приоритеты правительством были расставлены уже давно. И не без его подачи.

— Что она должна сделать?

Полковник на мгновение прикрыл глаза, давая понять, что и эти размышления друга для него не стали секретом. С объяснениями или без, но были вещи значительно важнее, чем их желания или опасения.

— Тот, кого ищет Воронов, находится на крейсере. Я в этом уверен, Олег — нет, теряя время, просеивает Штаб и пограничную базу. Нужна провокация, что-нибудь нестандартное. Твоя Мирайя на это мастерица, пусть придумает.

— А не боишься? — усмехнулся Лазовски многозначительно.

Шторм кивнул и понимающе улыбнулся.

— Крейсер выдержит, все остальное меня мало беспокоит. Кодовое слово?

— Ровер.

— Бродяга, говоришь... Пусть будет бродяга. Мой офицер с ней свяжется.

Шторм уже давно отключился, а Лазовски продолжал слепо смотреть в пустоту.

За Лиз, как называл ее только про себя, он не волновался — выкрутится, не в первый раз. Но, даже веря в нее, продолжал ловить себя на том, что предпочел бы находиться рядом.

Так было спокойнее. Для него.

Хотя бы потому, что ни одному произнесенному Вячком слову он не поверил. Слишком хорошо знал, чтобы пропустить хищный блеск в его глазах.

На крейсере затевалось что-то значительно серьезнее, чем поиски предателя, на которые намекал старый друг и бывший сослуживец Слава Шторм.

* * *

Посчитав в прошлый раз, что Валенси была в бешенстве, я ошиблась. На этот раз она напоминала фурию или смерч категории эф-пять, что сродни приговору.

Было у меня подозрение, что кандидатура в смертницы имелась лишь одна — моя.

Наша очередная встреча произошла раньше, чем я рассчитывала, — уже следующим утром. В довесок к этому ночь у меня была бессонной, так что мирным нравом не отличалась не только она — я тоже была не в духе. Единственное, что мне удавалось до определенного момента — сдерживать себя.

С трудом.

А начиналось все относительно хорошо.

Виктор подошел, как только меня покинул Истер. Много или нет ему удалось прочесть по губам, я так и не узнала — Шаевский решил меня удивить. Ни лишнего слова, ни торжествующего взгляда. Только уточнил, продолжу я работать в отсеке связистов или

вернуться в свою каюту.

Теперь, когда у меня было собственное хранилище данных со всей информацией, необходимой на текущий момент, я предпочла каюту. Не надо следить за лицом, никто в самый неподходящий момент не посягнет на здоровый энтузиазм. Да и узнала я уже достаточно, чтобы сделать вывод — пора отступать на заранее подготовленные позиции.

Сложившаяся ситуация воспринималась как патовая — клеймо на мне поставлено, все попытки доказать, что я не собиралась посягать на их секреты, не могли ни к чему привести.

Как говорил Ровер: «Заигрались!» Это когда каждая последующая версия становилась еще более безумной, чем предыдущая.

Нам Странник долго развлекаться не позволял, лишь слегка подебоширить. Развивать фантазию не запрещал, но ценил и свое, и чужое время. Здесь же явно не хватало кого-нибудь мудрого, чтобы грохнуть кулаком по столу и язвительно уточнить, какой белены объелись, выдавая столь откровенную галиматью.

Я предполагала одно из двух: или все разумные остались там, откуда крейсер начал свой полет, или... находились уже на Зерхане. Я предпочла бы второй вариант, он не исключал шанса разойтись мирно.

Была у меня и еще одна, настолько пугающая версия, что я предпочитала придержать ее на крайний случай. Я допускала, что вполне могу чего-то не понимать.

Это было значительно хуже, чем заигрались.

Мысли о происходящей вокруг меня основной работе несколько не мешали. Привычное состояние.

Благодаря принятому решению к полуночи я уже прекрасно ориентировалась в главном портовом городе Зерхана — Анеме, где и засекли присутствие Горевски. К семи утра еще в двух: Корхешу и Сомту.

Вместо обеда, ужина и ночного перекуса использовала собственный аварийный запас — криосмесь плодов, орехов и зерна. Все, что требовалось — залить водой и дать набухнуть. И для фигуры полезно, и силы восстанавливает. Идти в столовую не только не хотелось, но и не имело смысла. У меня еще оставалась надежда, что парни вокруг меня, ищущие во всем подвох, одумаются и придут к правильным выводам.

Так это или нет, узнать только предстояло, а пока... Работа, работа и еще раз работа.

Многие из наших себя так не истязали, достаточно полевого интерфейса, в который загружались все необходимые данные, и в любом месте изученной галактики будешь чувствовать себя, как в трех соснах. Не заблудишься.

Я же предпочитала действовать иначе, без поддержки не обходилась, но рассчитывала в первую очередь на себя. В экстренных случаях значение имели и доли секунды и то, насколько естественно ты себя ведешь.

Заснула я уже после утренней смены вахт, отправив предварительно Шаевскому сообщение, чтобы не смел меня будить. Плана, как убедить его в моей безопасности, я так и не придумала, ну и посчитала, что самое лучшее — как можно меньше напоминать о себе. На то, что забудут, — не рассчитывала, но где-то в глубине души продолжала верить в чудо.

Предчувствующий будущие проблемы организм решил взять свое, выпала я из действительности, стоило только голове прикоснуться к подушке.

Сигнал вызова прозвучал, когда я «брала» Горевски. Идеально чисто, без малейшего выстрела. Что произошло, Валесантери понял, когда было уже поздно.

— Ну и кому...

Мое недовольство было объяснимо, но пришлось заткнуться. С экрана внутренней связи на меня, мило улыбаясь, смотрел Истер.

— Я прошу меня извинить, но ваша грозная начальница потребовала немедленно предоставить ей свою лучшую журналистку. Обещала страшные кары, если мы не управимся за пятнадцать минут. Не знаю, что уж о нас подумала, но когда я объяснил, что вы еще спите, едва не убила взглядом.

— Эта длинная речь означала просьбу как можно скорее вас спасти? — не удержалась я от насмешки. То, что я в маечке с тоненькими бретельками, одна из которых скатилась с плеча, а он в наглухо застегнутом кителе, меня нисколько не смущало.

— Вы не только опасная женщина, но и очень проницательная, — чуть слышно произнес в ответ он. И добавил одними губами: — Моя госпожа.

Сладостная волна прошла по телу, заставив вспомнить, что ко всему прочему я еще и женщина, представить, как его губы едва касаются кожи. Не поцелуй — игра, отдающая огненно-морозным ознобом.

— Я буду готова через семь минут, можете отправлять ко мне Шаевского, — не убрав с лица улыбки, отозвалась я.

Каптри — экземпляр, конечно, интересный, но лишь способом действий. В паре с Виктором он смотрелся вполне органично.

— Он уже подпирает дверь вашей каюты, — фыркнул тот и отключился, успев заговорщицки подмигнуть.

Будем считать, что ему повезло — моя ответная гримаса была не столь безобидной.

В семь минут я, естественно, не уложилась. Еще три потратила на то, чтобы закинуть пару ложек сухой смеси и запить все это половиной стакана воды. Настаивать было некогда, а сомнения, что завтракать-обедать мне придется не скоро, присутствовали.

Взгляд Шаевского, которым он меня окинул, когда я появилась, был далек от успевшей стать привычной бесстрастности.

— Провоцируете?

От улыбок уже болели скулы, но ситуация требовала напрячься. Получилось криво и язвительно.

— Кто-то уверял, что был в команде Майского. Могли бы и вспомнить, что я предпочитаю в одежде именно такой стиль.

Душой я не покривила, на мне были удобные эластичные брючки, нисколько не стесняющие движения, футболка с длинным рукавом и высокие ботиночки на шнуровке. Имитация, но уже несколько лет подряд не выходили из моды.

— В прошлый раз вырез вашей блузки не казался столь глубоким, — вскользь заметил Виктор и, не дожидаясь моей реакции, направился в сторону лифтовой шахты.

Хоть и могла сказать, что разница между блузкой и футболкой ему явно не известна, последнее слово предпочла оставить за ним. Только усмехнулась про себя: в эти игры я уже давно не играла.

В отличие от недовольного Шаевского Истер был рад моему появлению, еще раз подтверждая появившуюся у меня мысль о работе в паре. Этот вариант был вполне реальным: один усиленно пытался вызвать у меня раздражение, второй — расположить.

Указав на тот же терминал, за которым я сидела и вчера, сам Ромшез отошел к Виктору. Их разговор меня интересовал, но значительно меньше, чем срочный вызов от мнимой начальницы.

Когда подключилась к уже активированному каналу, Вали фурией металась по кабинету. Судя по царящему вокруг нее беспорядку, продолжалось это довольно долго.

— Ты решила отказать мне в работе? — вяло поинтересовалась я, когда она развернулась, чтобы вновь прорысать в мою сторону. — Или не знаешь, как сказать, что тебе не дали доступ к архиву?

Версия подруг рассыпалась на глазах. Впрочем, кто утверждал, что две стервы не могут найти общий язык?!

Прежде чем остановиться, Валенси успела сделать еще несколько шагов. Правда, уже в другом темпе.

— Ну, не дали, — прошипела она. — Сама немаленькая, разберешься. Я тебе хорошие кредиты за то и плачу, чтобы ты решала свои проблемы.

Я удивленно вскинула бровь, украдкой бросив взгляд на стоящую у командирского терминала парочку. Те продолжали увлеченно разговаривать, не обращая на меня ни малейшего внимания.

Хотелось в это поверить, но я не торопилась идти на поводу собственных желаний. Серое мерцание защитного поля закрывало рабочий экран Истера.

— Тогда я просто и не знаю, что подумать! — облокотилась я на стол. Садиться не торопилась, оставляя себе простор для наблюдения.

От ее ответа зависело многое. То, что все шло не так, как хотелось бы Роверу, было уже понятно, достаточно посмотреть на Вали, но вот что конкретно?!

— Тварь! Он мне изменил! — прорычала Валенси.

Сказанное оказалось столь неожиданным, что я отшатнулась от экрана. Мое движение заметил Истер, повернулся, вопросительно приподнял бровь. Я была настолько ошеломлена, что не ответила даже успокаивающей улыбкой.

А Вали продолжила:

— Да с кем?! С той потрепанной шавкой, моей же секретаршей!

Выдохнув сквозь стиснутые зубы, заставила себя не стиснуть кулаки. А так хотелось!

Среди кодовых фраз известие об измене стояло наособицу. Мы все молили наших ангелов-хранителей, чтобы не довелось услышать. Еще бы, кому хотелось, чтобы тебя с потрохами сдали какой-нибудь спецслужбе.

Ровер это сделал.

Понятно, не по собственной воле. Чтобы Странник пожертвовал кем-нибудь из нас, его надо было загнать в угол. Но все равно обидно.

Можно было поискать в произошедшем и хорошее. В таких случаях действовал принцип: ты — мне, я — тебе, но... до второй части надо было еще дожить.

Как оказалось, переживать я начала раньше, чем стоило. Валенси шагнула прямо ко мне — бешеный взгляд, взъерошенные волосы, тяжело вздымающаяся грудь...

Мастерское исполнение! Подобной экспрессии невозможно было не верить.

— Отомсти им за меня! Отомсти! Чтобы запомнили до конца жизни...

Последние почести погибшему с доблестью...

Во всем этом сволочизме присутствовала только одна хорошая новость: мне давался полный карт-бланш. За все, что я сотворю на крейсере, грехи мне уже отпустили.

— Ты получишь их трупы, — чуть слышно прошептала я, успев заметить, как непроизвольно вздрогнул Шаяевский.

Они меня слушали. Боюсь, спасти их это не могло.

Что можно сделать на военном крейсере, особенно таком, как этот, чтобы тебя надолго запомнили?

Если без бряцания оружием и команды штурмовиков за спиной — практически ничего!

Что такое дисциплина, здесь знали. Начну ходить обнаженной — сделают вид, что так и было задумано. Попытаюсь заигрывать одновременно с несколькими... все и воспользуются возможностью.

На мордобой, дуэли и прочую чепуху, благодаря которой на корабле начнется чехарда, рассчитывать не приходилось. Парни хоть и обделены женским вниманием, но техниками контроля владеют точно не хуже меня. А если не помогут и они, то одной инъекции хватит как раз до конца полета.

Впрочем, у всего наличествовала оборотная сторона, в том числе и у порядка. Достаточно ее знать, чтобы выбить их из равновесия. Я — знала и собиралась своими знаниями воспользоваться. Это не значило, что в ход не пойдут обычные женские штучки, но лишь как вспомогательные средства.

Мысли пронеслись всполохами молний, варианты возникали, просчитывались, отбрасывались полностью или частично, оставшиеся блоки перекраивались, переставлялись, чтобы в конце получить вердикт — не жизнеспособен.

Я была уверена, что нерешаемых задач не существует, бывают только неинтересные или... такие, как эта, похожие на брошенный вызов. Страшная смесь: злость на Ровера и желание доказать ему же, что я справлюсь.

Мое одиночество было коротким, но его хватило, чтобы приблизительно представить план дальнейших действий. Многое зависело от той поддержки, которая должна была вскорости появиться. Чем больше чин и должность, тем больше возможностей. Чем меньше, тем более бедственным для них окажется результат.

Я даже успела поспорить сама с собой, кто именно произнесет кодовое слово. В списке из четырех кандидатов лидировал капитан крейсера. Он не имел отношения к спецуре.

Вторым шел Станислав Левицкий. Это уже на уровне интуиции.

На Виктора и Истера я даже не подумала. Один из них явно был старшим команды. И не факт, что Шаевский.

Первым ко мне подошел Ромшез. Посмотрел на потухший экран, затем на меня.

— Кажется, вы чем-то расстроены? — В его голосе прозвучало искреннее участие.

Я бы поверила, но он встал рядом так, что мне пришлось немного, но развернуться. Как раз настолько, чтобы мои ответы стали известны Виктору, который остался стоять у командного терминала.

— Я?! — За долю секунды с моей улыбкой произошло несколько метаморфоз. Сначала она была дежурной, затем — загадочной, потом — язвительно-торжествующей. — Что вы, капитан, скорее озадачена.

— Я могу вам чем-то помочь? — слегка удивив меня, уточнил Ромшез. Он словно и не заметил обещания множества не всегда безобидных сюрпризов, которые прозвучали в моем голосе.

— Вы?! — окинув его пока еще только внимательным взглядом, переспросила я. А что?! Зря он, что ли, так настойчиво пытался вызвать мой интерес. — Думаю, что — да! Если,

конечно, не боитесь нарушить Устав.

— Устав? — хитро прищурился он, скосив взгляд туда, где стоял Виктор. — Поверьте, на борту этого крейсера нет ни одного офицера, который не поддался бы искушению нарушить Устав ради такой женщины, как вы. Есть лишь те, кто предпочитает прикрываться его пунктами и параграфами, пытаясь не сдаться без боя.

— А вы, значит...

— А я, значит, — подхватил Истер, — рыцарь у ног прекрасной госпожи.

— Хотя что-то приятное, — капризно вздохнула я и, не успев каптри ответить понимающей улыбкой, уточнила: — Устройте мне экскурсию?

Тот думал не больше пары мгновений.

— На нижние палубы нас не пустят, не хватит даже моего влияния, а вот жилой, тренажерный и даже командный мне вполне по силам.

Спрашивается, что в его ответе могло утвердить меня во мнении, что он выполняет приказ Шаевского? Да ничего! Но тем не менее расклад группы стал мне понятен. Старшим был либо Виктор, либо — менее вероятно, Левицкий. Из схемы выпадал только командир десантной группы. Временно. Он не мог не проявить себя. Не сейчас, так чуть позже.

Эта невинная фраза натолкнула еще на одну мысль — ангары. Про нижние палубы он мог и не упоминать — табу. Мой первый полет на военном крейсере состоялся в компании столь высокопоставленных личностей, что даже отсутствие у меня начальственного пиетета пасовало перед их должностями. Впрочем, я была тогда еще не матерым маршалом, закаленным в боях с бюрократией, так что испытывала большее почтение, чем стоило.

Но важно не это — их статус не помог оказаться нам ниже жилого яруса. Но вот ангары нам показали в первую очередь, на них запрет не распространялся.

Интересного там ничего нет. Чаще всего корабли этого класса несли пару-тройку звеньев перехватчиков да боты. Но это уже в аварийно-спасательных отсеках, те были и на верхних уровнях.

— А мне больше и не надо, — откинула я голову чуть назад, давая ему возможность оценить длинную — лебединую, как говорила Вали, шею, не прикрытую волосами. — А если еще постреляем...

Взгляд у Ромшеза был, как у заморы после линьки. Избавлялась от старой кожи эта ядовитая тварь в темных пещерах, а потом выползала на солнышко. Греться. Так первые дни была совершенно не опасна, бери голыми руками.

Я не поверила, что Истер купился, но роль свою вел уверенно.

— Вы дадите мне полчаса на подготовку? — Он даже слегка склонился, словно демонстрируя покорность.

Сердце мурлыкнуло от удовольствия. Сильный противник, достойный!

— Мне они тоже пригодятся. — И, не дав ему ответить, уже громче произнесла: — Капитан Шаевский, вы не отведете свою поднадзорную обратно в каюту?

Вахтенные за терминалами опустили головы, скрывая смущение, Шаевский, не сказав ни слова, направился к выходу. Я — за ним. Еще и руки за спину заложила, благо планшет это позволял.

До моего временного пристанища мы добрались молча. Виктор шел первым, я — за ним. Жаль, не удавалось идти с ним в ногу, он был выше меня почти на голову.

— У него будут неприятности. — Шаевский не выдержал у самой двери. Я уже успела провести ладонью перед панелью информера, створа сдвинулась, открывая проход.

Я прямо так и поверила в заботу!

— Не говорите глупостей! — резко отрезала я. Продолжила уже скорее снисходительно, прислонившись к переборке у самого проема. — Сколько ему лет? Тридцать пять? Сорок?

— Тридцать семь, — холодно отозвался Виктор.

Я кивнула. С усмешкой.

— Думаете, в свои тридцать семь он не понимает, что делает?

— Думаю...

Его взгляд был резким, как удар. Это было уже серьезнее. Если бы не блок, который я выставила на рефlekсах, несколько секунд дезориентации были бы мне гарантированы. О последствиях можно только догадываться.

Неудача его нисколько не смутила.

Он меня проверял... Хороший ход! Великолепно укладывающийся в мои подозрения.

— Думаю, — повторил он как ни в чем не бывало, — ваше присутствие на борту будет нам дорого стоить.

— Думаю, что вы ошиблись, — томно повторила я, делая шаг ему навстречу. Он мог отступить, но даже не шевельнулся. — Я уверена, что мое присутствие на борту оставит лично у вас самые приятные воспоминания.

Мое дыхание играло на его шее, волосы волной струились по его кителю. Аромат цветочного бальзама, которым я пользовалась, касался ноздрей.

Мы могли встретиться и разойтись, но кто-то из них посчитал меня врагом. Войну начали они, я только защищалась.

Дернулся кадык, Шаевский выдохнул сквозь стиснутые зубы.

Не сказать, что поверила, но это было только начало. Я собиралась продолжить.

Шаг назад — и створа двери скользнула обратно, став линией фронта, отделившей меня от него и оставив на этот раз последнее слово за мной.

Я не хотела... Так получилось.

Как обычно, после эмоционального пика наступил провал. Ощущение падения, бесполезности того, что я делала, глупости этой игры...

На этот раз все было даже несколько хуже — сказался «удар» Виктора. Чтобы избавиться от бессильной злобы, густо замешенной на чувстве одиночества, потребовалась целая минута.

Да — все, что я вытворяла, было бесполезно и, на мой взгляд, глупо, но... Ровер дал команду развлекаться, я собиралась ее исполнить. С максимально возможным эффектом. Из нас двоих шеф знал значительно больше, чтобы принимать подобные решения. Не мне было с ним спорить.

Еще несколько мгновений ушло на то, чтобы пройтись по списку спецсредств, прихваченных с собой. Основной комплект я должна была получить на Зерхане — правила, которые мы предпочитали соблюдать. Но кое-что прихватила с собой. Я не ожидала сюрпризов, но готовность к ним являлась спецификой моей профессии.

Чтоб ее...

Я не обманывалась, себя без нее не представляла.

Переодевшись — под новую футболку надела корсет, с помощью одноразового игольчатого трафарета нанесла за ухом эмблему особого отряда. Распущенные волосы скрывали ее, но при необходимости могла и продемонстрировать.

С начальством такие фокусы были согласованы, почти официальное прикрытие с реально существующим личным номером. Если уж совсем прижмет, устрою разборки со всеми вытекающими последствиями. Сразу не раскусят — по договоренности с особым отрядом мы оказывали друг другу негласную помощь, а потом будет поздно. Запрос на информацию служил одним из сигналов о помощи, а особисты и СБешники всегда недолюбливали друг друга.

Еще одна нашлапка на висок — чип управления от малого полевого набора. Пара секунд, и биоткань сольется с кожей, только сканером и определишь. Я сомневалась, что они натыканы здесь на каждом шагу, но и к этому я была готова: канал плавающий, будет подстраиваться под внутреннюю структуру информационных потоков на крейсере. Планшет я с собой не брала, но без экстренной связи оставаться не рисковала.

Сигнал пискнул как раз на тридцатой минуте. Засекала из принципа.

Дала команду открыть дверь. Истер, ни на мгновение не задумавшись, шагнул внутрь. То ли демонстрировал свое отношение к корабельному Уставу, в котором действительно были прописаны определенные правила поведения на случай нахождения на борту представительниц женского пола, то ли... провоцировал. Второе, на мой взгляд, выглядело более правдоподобным.

— Добро на прогулку получено, — бодро отрапортовал он, цепко осматривая мою каюту. — Откуда начнем?

Карт-бланш, говорите?!

— С командного! — залихватски подмигнула я ему, застегивая наручный комм. Этот не только смотрелся обычным, таким и был. Модель из последних, но ничего особенного.

— Тогда — вперед! — он отошел на шаг в сторону, пропуская меня, но я, хитро прищурившись, качнула головой.

Ему ничего не оставалось, как выполнить мое требование. Играли мы в госпожу и ее верного рыцаря. На некоторые неточности избранных ролей я предпочла закрыть глаза.

Маленький бесцветный шарик скатился с моей руки, когда каптри переступил через порог. Рассыпался пылью, въедаясь в металлопластик. Жучки — не жучки, но теперь у меня будут данные по каждому, кто окажется слишком любопытным. Надеюсь, оснащенность вспомогательными средствами Службы Маршалов не входила в их программу обучения.

— Есть два пути... — начал Истер, как только створа двери сыто чмокнула за моей спиной.

— Я предпочитаю длинный, — уверенно заявила я, пристраиваясь рядом. Нам было о чем поговорить.

Первые шагов тридцать молчали, настраивались на беседу.

— А давно...

— А как вы...

Заговорили мы одновременно, засмеялись — тоже.

— Спрашивайте, — продолжая подсмеиваться, предложила я, отдышавшись раньше него.

— Нет уж, — усмехнулся каптри, — я обещал служить вам верой и правдой.

Ни малейшего сбоя в выбранной им роли. Не будь абсолютно в этом уверена, уже бы начала сомневаться.

— Будем считать, что это и есть мое самодурство, — непререкаемым тоном произнесла я, наблюдая, как какой-то офицер из младших предпочел перейти на галерею, шедшую вдоль противоположного ряда кают.

Ромшез, признавая, что против такого аргумента возразить ничего не может, поинтересовался:

— А как вы попали на крейсер? У нас каких только легенд не придумали. Уже даже в любовницы капитана записали.

Я, остановившись, разочарованно посмотрела на него.

— Обо мне вы узнали, а о моей начальнице?

Во взгляде Истера мелькнула какая-то мысль, но он так ничего и не сказал, просто качнул головой.

Пришлось продолжать самой:

— Половина галактики Вали уже должна, а вторая подозревает, что скоро пополнит ряды первой. Правда, — я «невольнo» вздохнула, — сама я о том, что лечу с вами, узнала едва ли не последней.

— Это как? — тут же заинтересовался Ромшез, ухмылкой дав понять, что догадался о том, о чем я предпочла промолчать. Чтобы каперанг Райзер согласился на мое присутствие на борту, попросить его об этом должен был кто-то очень влиятельный.

Не знал он одного, мне и самой хотелось бы узнать, кто это был.

— Да никак, — в моих интонациях проскользнула тщательно скрываемая злость. — Сообщили об этом за три часа до того, как вы появились на орбите. У меня была заказана каюта на «Эсмере». Не люкс, конечно, но первый класс.

— А виноваты мы, — философски заметил он, жестом предлагая идти дальше.

Я спорить не стала. Ни с тем, ни... с этим.

— Я же не могу винить собственную начальницу и лучшую подругу, — пожала я плечами. — Отдуться придется вам.

Тот понимающе улыбнулся и, словно невзначай, прикоснулся к моей ладони.

Истер играл, теперь в этом не было сомнений. Можно натренировать взгляд, улыбку, но... прикосновение станет предателем, выдавшим истинную суть. Скрыть за равнодушием чувства — легко, а вот заставить неистово биться сердце, пылать кровь в жилах, наполнить собственную кожу электричеством страсти... Его рука была теплой и бережной, но не нежной. Женщину в таких вещах не обмануть.

Надеюсь, моего открытия он не заметил.

— А ведь я просил дождаться меня, капитан Ромшез, — раздалось недовольно из-за спины.

Удивительно вовремя, я не хотела ни торопить события, ни отталкивать Истера раньше времени.

Оборачиваться в ответ на язвительную реплику не стала, и так знала, кого именно принесла нелегкая в качестве спасителя... Или скорее режиссера.

— Так я ничего и не обещал, капитан Шаевский, — с вызовом отозвался мой спутник.

Я, насмешливо фыркнув, капризно произнесла:

— Ну, мальчики, не ссорьтесь...

И только после этого оглянулась на остановившегося чуть позади меня Виктора. Его желваки напряглись, но он тут же вернул себе самообладание.

— Умеете вы делать из друзей врагов.

Я удивленно приподняла бровь.

— Мне кажется, или вы мне приписываете то, чего нет?! — Мое восклицание прозвучало двусмысленно, но это был удачный шанс. Я собиралась произнести то, что не могла сказать прямо. — Или у вас, Виктор, просто проблемы с женщинами?

Стиснув на мгновение зубы, он неожиданно расслабился. Не внешне — взглядом, дыханием, ощущением силы, которую он отпустил.

И я решила рискнуть, изменив собственным же выводам и поддаваясь наитию.

— Знаете, как меня называют близкие мне люди? — Он чуть склонил голову в ожидании продолжения. Правильно понял, что это был вопрос не к нему, к самой себе. — Перекати-поле. Стервой меня называют только недруги.

Те несколько секунд, что Шаевский продолжал молчать, были напряженными, но не настолько, чтобы я начала их сравнивать со столетиями. Даже если ошиблась...

— Перекати-поле, — повторил он медленно, словно пробуя слова на вкус. Колючего внимания Истера он будто и не заметил. — Бродяга... Странное прозвище для женщины.

Вместо того чтобы вздохнуть с облегчением — интуиция меня не подвела, я усмехнулась:

— Наверное, они достаточно хорошо меня знают, чтобы не заблуждаться.

Что ж, картина вырисовывалась очень интересная. В том, что СБешниками на крейсере командует Шаевский, я уже не сомневалась, он же был и тем, кто должен был помочь разобраться со всем, что здесь творилось. То есть с ними же...

Оставалось только согласиться, что все могло быть значительно хуже.

* * *

Признаться честно, делать в командном мне было нечего. Ни до выяснения, в чьей

компании придется развлекаться, ни тем более после.

Так я думала, пока там не оказалась.

Каперанг Райзер, его второй помощник каптри Левицкий, еще один каптри с инженерными нашивками и... тот самый командир десантной группы, которого мне представили настолько невнятно, что я продолжала сомневаться, Валанд — это имя или фамилия.

Встретили меня достаточно благосклонно. Насколько я разбиралась в тонкостях полетов, мы шли в прыжке, так что всем банально было нечем заняться.

Райзер ради такого случая даже поднялся со своего места и сам, лично, повел меня на экскурсию по отсеку. Говорил много, но... опять о своем боевом прошлом.

Я не сильно расстроилась. В данном случае лишние знания — многие беды, мне они были ни к чему.

Шаевский следовал рядом с нами, время от времени кидая то на меня, то на капитана напряженные взгляды — продолжал придерживаться созданного им образа. Истеру пришлось остаться со вторым помощником.

Задумываться, договоренность это или нет, я не стала. Виктор сам объяснит, когда появится возможность.

Ждать ее долго не пришлось. Райзера отозвали к одному из терминалов — я успела заметить, как на вертикальном дисплее моргнуло алым, а мы с Шаевским, сделав еще несколько шагов, остановились, дожидаясь дальнейших распоряжений.

— Кто? — язвительно улыбнувшись (тоже роль), чуть слышно спросила я.

— Ромшез, Левицкий и Смолин, — процедил сквозь зубы Виктор.

Смолин, вероятнее всего, инженер. Надо будет разобраться с первым ощущением и узнать, почему его не было на том ужине.

— Сколько в группе?

Глядя на нас, догадаться о сути разговора было сложно. Только и можно сказать... встретились два одиночества...

— Четырнадцать. — Мой следующий вопрос он предвосхитил. Профи! — У остальных нет полноты информации.

— Десантник?

Вздых получился долгим и многозначительным.

— Приданный. Темная лошадка. Но без доступа.

— Кто на нас смотрит? — Я стояла спиной к тому месту, где находилась четверка подозреваемых.

Верхушка айсберга... Ассоциацию я запомнила, как и то, что десантника приписала к ним же.

Интуиция, чтоб ее!

— Смолин и Валанд.

Все-таки фамилия. Шаевский своих по именам не называл.

— Сделай знак — есть срочная информация.

Его бровь слегка дернулась, демонстрируя удивление, но спорить с тем, что я вызывала огонь на себя, не стал. Повел шеей, словно давила стойка кителя, потом, совершенно естественно, провел двумя пальцами по мочке уха.

Первый крючок был сброшен.

Договориться о втором мы уже не успели. Похоже, ничего страшного не произошло,

Райзер вновь подошел к нам. Я была уверена, что он продолжит свой рассказ, но вместо этого каперанг вдруг спросил:

— Вы очень уверенно ведете себя на крейсере. Бывали раньше?

Судя по физиономии, Виктор тоже хотел бы услышать ответ на этот вопрос.

Ох, ребятки...

Ровера на них точно не хватало. Он всегда говорил: «Задавая вопрос, ответ вы должны уже знать. Не знаете — не рассчитывайте, что вам скажут правду».

В данном случае скрывать мне было нечего. Воспоминания о том случае были настолько приятными, что вызывали невольную улыбку.

И я даже знала, как зовут их причину.

— Стандарта четыре тому назад, на «Хурагве».

— На «Хурагве»?! — Шаевский на мгновение, но опередил капитана.

Я пожалала плечами, делая вид, что не совсем понимаю их недоумение.

— На «Хурагве», — повторила вынужденно. И добавила, поясняя: — Я брала интервью у генерала Орлова. Как и сейчас, его было проще найти на борту крейсера, чем в Штабе Объединенного флота.

— Но в вашем послужном списке...

Виктор был выше меня, но посмотрела я на него сверху вниз:

— А про творческие псевдонимы вы что-нибудь слышали?

Минута молчания была оглушительной.

— А вы случайно с полковником Штормом не знакомы? — как-то вяло полюбопытствовал Райзер.

Интуиция воспрянула духом и тут же ухватила за вопрос, чтобы выдать сигнал тревоги. Милашка капитан не должен был этим интересоваться, или...

Или меня сюда определил именно Шторм, но под весьма нестандартным соусом.

Ну, полковник... Встретимся мы с тобой как-нибудь... наедине.

Не покраснела я только чудом. Это был первый и последний случай, когда я сама пыталась соблазнить мужчину. Что делать, Шторм умел производить неизгладимое впечатление. Пусть и недолго, дней десять, что находилась на крейсере, но я была в него страстно влюблена.

Увы, моим надеждам сбыться не удалось. Остудил он меня одной фразой: «Я девушек у друзей не отбиваю». Что это значило, я не узнала до сих пор.

О том, что у нас ничего не получилось, — не жалела. Каждому — свое. Мне — Служба Маршалов.

— Со Славой? — позволив своей стерве проявиться во всей красе, переспросила я. — Мы с ним очень хорошо знакомы.

Во взгляде Виктора появились бесенята, а вот капитан, хоть и держался молодцом, явно был растерян. Думаю, Шаевский этого тоже не пропустил.

От дальнейшей беседы на скользкую тему нас спасло прозвучавшее предупреждение:

— До выхода из прыжка десять минут...

Я восприняла это как предложение исчезнуть с глаз долой. Понимающе улыбнувшись Райзеру, вопросительно посмотрела на Шаевского. Ему хватило одного мгновения, чтобы вернуть лицу холодную бесстрастность.

Шикарная выдержка!

— На тренажерный? — сухо уточнил он у меня, направляясь к выходу из отсека. Ромшез,

заметив, что мы собираемся уходить, двинулся наперерез.

— Мне нужен Левицкий, — едва слышно прошептала я, на мгновение обернувшись.

О талантах Виктора Истер меня предупредил, а вот о своих... Я была уверена, что, не имея их, он бы не оказался в этой команде.

Ответить тот ничего не успел, но, когда мы вышли из командного отсека, нас было уже четверо.

Я любила большие компании. В них намного проще работать.

Лифтовая шахта находилась за аварийной перемычкой. На «Хурагве» во время учебной тревоги приходилось видеть, как она действует. Сначала врубалась система выравнивания давления, затем, одна за другой, опускались двух— и трех-сегментные плиты. Боевые крейсеры имели модульную структуру с отдельными системами жизнеобеспечения и эвакуации.

Идея, кстати, принадлежала старшему Горевски. Говорят, потери после ее внедрения снизились на порядок. Официально мы вроде как не воевали, но что-то такое постоянно витало в воздухе.

— Присоединюсь к вам позже, — бросил Шаевский, неожиданно сворачивая на боковую террасу.

К кому он обращался, непонятно, но мы все дружно кивнули. А Истер еще и вздохнул с явным облегчением, получив в ответ от Левицкого понимающую улыбку.

— Он всегда такой? — задумчиво посмотрев вслед Виктору, полубопытствовала я. — Или его настолько беспокоит мое присутствие на борту?

— А оно должно беспокоить? — тут же ухватился за мой вопрос Станислав.

Не знаю, за что уж он попал в список утративших доверие Шаевского, но хватка у него была. Некоторая прямолинейность этого факта не отменяла.

Мой шаг к нему был больше похож на танцевальное па. Или бросок кобры. Мгновение — и я практически прижалась к нему. Приподнялась на цыпочки — парни все, как на подбор, выше меня, — буквально касаясь губами мочки уха, прошептала:

— А ты как думаешь?

Когда я отступила назад, отметив удовлетворение во взгляде Ромшеза, губы Станислава продолжали чуть иронично улыбаться.

Ставить ему отлично за самообладание я не торопилась — зрачки заметно увеличились, но главным результатом этого эксперимента было воспоминание, разбуженное тонким ароматом, исходящим от его кожи.

Сердце замерло, отказываясь биться, горло стянуло удавкой.

До сих пор мои поиски были безрезультатными. До отчаяния еще далеко, но уязвленное самолюбие уже проснулось.

Три года... Три года с завидной регулярностью я просыпалась по ночам, ловя в своих снах этот запах и чувствуя, как по-мужски сильные, но нежные пальцы ощупывают мое тело, пытаюсь обнаружить возможные травмы. Выстрел парализатора сбил меня в прыжке, оставшиеся метра четыре я уже падала, без малейшей возможности сгруппироваться.

Операция тогда сразу пошла вкривь и вкось, продолжалась тоже с сюрпризами. По следу Факира шел Эдик, но тут появилась информация об одной твари, с соответствующей кличкой — Мразь, и мне пришлось заменить Эскильо.

Потом в дело вступила местная служба порядка, решив отличиться и перехватить у нас приз. Пока Ровер разбирался — мои маршальские права они посчитали ущемлением своих

интересов, тот успел добраться до космопорта.

Нашла я Факира дней десять спустя, поминая всех, включая собственного шефа, последними словами. Тот забрался в такую дыру, где на сотню населения — сто с прошлыми или настоящими проблемами с законом. Какое там взять чисто, хотя бы просто взять да вывезти!

Первое мне удалось, а вот со вторым оказалось значительно хуже. Факира я забросила в один кар и, задав конечный пункт, на автомате отправила к ближайшему отделению розыскников. А сама, на другом, страховала.

Я уже получила подтверждение, что они груз получили, когда мою машину сбили. Все бы ничего, скрываясь от сканеров, я шла сверхнизко, но кто-то из моих преследователей решил не оставлять возможных свидетелей. Ему это почти удалось. Заряд блокировал возможность двигаться, но не снизил чувствительности. Удар о землю был сильным, сознание я потеряла.

Очнулась от осторожных прикосновений и аромата мужского одеколona. И ощущения надежности, от которого хотелось уткнуться носом в чужую грудь и замереть, не веря в собственное счастье.

Насладиться своим вниманием незнакомец мне не позволил, игла инъектора впиалась в кожу, чтобы избавить от боли. Факир стоил мне сотрясения, нескольких ушибов и рваных ран.

Пришла я в себя уже в больнице. По палате бродил угрюмый Ровер, а на столике рядом с кроватью лежал увядший цветок горького апельсина.

С того дня запах нероли стал для меня символом неразгаданной тайны.

— Я думаю, — он задержался с ответом, словно давая мне вновь пережить те дни и... те мгновения, — что нас всех ждет множество сюрпризов.

Не хотелось сдаваться так просто, но... он был прав.

Только ему знать об этом было не обязательно.

* * *

— Ходят слухи, вы участвовали в гонках на карах?

Тренажерный уровень еще называли учебным. Из пары десятков отсеков доступ мне был разрешен меньше чем в половину. Об этом с грустью уведомил Истер, как только мы покинули лифтовую шахту.

— Было дело, — отозвалась я, чуть помедлив с ответом.

Висок кольнуло — на планшет по внутренней связи пришло сообщение. Судя по подписи — Шаевский, Виктор забросил второй крючок. Для Ромшеза. Если он тот, кого мы ищем, моя переписка должна быть у него на контроле.

Давать команду на открытие не стала, успею просмотреть, когда вернусь. Но была готова поспорить, что он переслал мне выжимки из личных дел подозреваемых.

— А на штурмовых катерах не хотите попробовать?

Я с любопытством посмотрела на Станислава. Его настойчивость не выглядела подозрительно, но на некоторые предположения наталкивала. Кажется, ему нужно было со мной поговорить.

— С вами?

— Можно и со мной, — согласился он и взглядом указал на отсек, неподалеку от которого мы остановились. Решали, с чего начать.

— Симуляторы, — без воодушевления протянула я.

— Боевые симуляторы, — поправил он меня. — Полное погружение. Если хотите, в реалиях боя.

Я, склонив голову, задумчиво посмотрела на него.

За штурвал настоящего катера садиться мне не приходилось, а вот летать на подобных симуляторах — да.

История из моего далекого прошлого.

В семье нас было четверо — три брата и я. Все с раннего детства бредили полетами, отец — испытатель, отсюда и тяга к взвешенному риску.

Родители были не против, они всегда потакали нашим разумным желаниям.

Ярусь поступил в военную академию первым. Спустя год следом за ним отправился Антон, а еще через два — Влад. Мне до мечты оставался один шаг, подготовительные курсы я закончила успешно.

А потом авария на каре и травма позвоночника. Несколько месяцев в специальном экзокорсете до полного восстановления функций.

За все время, что длилось лечение, я не проронила ни слезинки, хоть и осознавала, что сама, собственными руками поставила крест на своей военной карьере. Путь в космос был для меня открыт, но только в качестве пассажира. Да и то с предосторожностями, которые я всегда соблюдала. Но тоска была, не позволяя мне смеяться и верить в будущее.

Положение спас отец, установив дома новейший симулятор. Как и с кем договаривался, известно мне стало позже.

Налеталась я тогда на всю оставшуюся жизнь, не заметив, как избавилась от этой страсти. Но зато обрела другую. Встреча с друзьями отца — тогда еще полковником Орловым и бывшим помощником директора Службы Маршалов, изменила мою жизнь.

— На желание?

Станислав даже вскинул бровь, удивляясь моей наглости.

Не объяснять же ему, что, предложи он настоящий полет, я бы не решилась на подобную дерзость — не мне тягаться с ними. Но вот виртуальный...

Осознание, что обойдется без трагических последствий, позволяло действовать решительно.

— Это похлеще, чем нарушить Устав, капитан, — глубокомысленно заявил Истер, не без любопытства глядя на Левицкого. — Откажешься — объявят трусом, согласишься...

Его молчание звучало многозначительно.

— Мне всегда казалось, — задумчиво протянула я, стараясь не смотреть на Станислава, уж больно личным было то, что я собиралась произнести, — что мужчины, которым идет аромат нероли, отличаются особой решительностью.

— А это уже похоже на вызов, — опять вклинился Ромшез. — Знаешь, Стас, а отступить тебе больше некуда.

— Пока еще есть куда, — жестко раздалось со стороны лифтовой шахты. Как же не вовремя! — Извините, госпожа Мирайя, но вы, как мне кажется, слегка забылись. Мы не в борделе, а на борту боевого корабля.

Шаевский был хорош в своем тщательно сдерживаемом бешенстве. Не знай я, на чьей стороне играет, вполне могла допустить, что его гнев искренний.

— Перестань, Виктор, — Левицкий сделал ударение на втором слоге имени. Прозвучало панибратски, но Шаевский даже не дернулся. С тем же, похожим на маску, выражением лица продолжал наблюдать за мной. — Невинная игра.

Я, без малейшего волнения, словно меня это и не касалось, заметила, обращаясь к Станиславу:

— Если ка-пи-тан так боится за вашу нравственность, я могу заранее озвучить свое желание.

— Мне кажется, — с улыбкой откликнулся Истер, — он больше беспокоится за вас, прекрасная Элизабет. Как престарелый дядюшка о юной племяннице, которую пытаются совратить опытные ловеласы.

Не сдержавшись, фыркнула. Не будь у них офицерских нашивок, посчитала бы за мальчишек, что хорохорятся перед понравившейся им всем барышней. Но здесь все было не столь безобидно.

Пока я проверяла их, они пытались ввести в заблуждение меня. Обращение по именам, дружеское похлопывание по плечу, прорывающиеся эмоции... Детский сад! И за всем этим только одна цель — доказать собственную безобидность.

Возможно, у них что-нибудь бы и получилось, но в эту игру мне уже приходилось играть. Со Штормом. Так что с правилами я была хорошо знакома.

— А мне кажется, — повторив интонации Ромшеза, произнесла я, — что летать мы сегодня не будем. Капитан, — я повернулась к Шаевскому, — будьте так любезны, проводите меня в каюту.

Первым отреагировал Истер. Ему достаточно было сделать два шага, чтобы встать между мной и Виктором.

— Элизабет, прогулку вам обещал я. Хотите, я вызову их на дуэль, убью обоих, и мы пойдем дальше?

Его взгляд был таким обескураженным, что я невольно ощутила жалость. Пришлось напоминать самой себе, что я действительно нахожусь не в борделе, а на боевом корабле. Жертв здесь быть не могло по умолчанию, только хищники.

— Если вспомнить, что я обещала своей начальнице, — протянула я, глядя на Истера с хитрым прищуром, — можете вызывать. Только разделайтесь с ними побыстрее, скоро обед.

Одна фраза, и напряжение начало спадать, даже Шаевский был вынужден отреагировать на мою реплику кривой усмешкой. Мол, ничего другого он и не ожидал.

Я же, воспользовавшись некоторым потеплением, развернулась к Станиславу:

— Так что с моим предложением?

— Вообще-то, оно уже давно принято, — отвлекся тот от комм, на котором что-то просматривал. — Вы были несколько заняты, я терпеливо ждал, когда освободитесь.

На этот раз Шаевский возражать не стал и даже первым направился к отсеку, приглашая следовать за собой.

Внутри оказалось двое вахтенных — в званиях нижних чинов я разбиралась плохо, и несколько пилотов, с любопытством отреагировавших на наше появление. Все в мешковатой десантной форме.

И... Валанд. А ведь мы его оставили в командном...

Поведение Виктора стало более понятным. С его точки зрения как командира СБ на корабле.

— Решили полетать? — повернулся тот к нам, отвлекшись от разговора с одним из

лейтенантов, на голове которого все еще находился адаптационный шлем.

Видно, устраивал разбор.

— Да вот, — первым отозвался Истер, — госпожа Мирайя бросила Станиславу вызов. Хотим посмотреть, что из этого получится.

— Госпожа Мирайя, — повторил Валанд за Ромшезом и, что-то тихо сказав десантнику, подошел к нам. — А не хотите со мной?

— Я бы на вашем месте отказался, — прошептал мне на ухо Левицкий. Стоял он у меня за спиной. — Со мной у вас был шанс, с ним...

Я, оглянувшись, хмыкнула. Где наша не пропадала! Особенно когда не отпускало ощущение, что все именно так и было задумано.

— На тех же условиях? — уточнила я у Валанда, который разглядывал меня, не скрывая своего прагматичного интереса.

Первое впечатление вполне ожидаемое. Прямолинейен, но настолько профи, что отсутствие гибкости ему просто прощают. Не лишен обаяния, знает, что такое женское внимание, и не гнушается им пользоваться. Понимает, что может погибнуть в любой заварушке, от риска не бежит, но делает все, чтобы этого не случилось. Поэтому и жизнь любит едва ли не больше, чем остальные в окружившей меня компании.

Все бы хорошо, но концы с концами у меня не сходились. Он был на мостике. Рядом с капитаном и инженером. Скорее всего посвящен в детали происходящего не менее, чем СБешники. А значит, в моей характеристике есть либо пробелы, либо ошибки.

— И каковы были условия? — поинтересовался он. Не у меня, у Левицкого.

Уступать тому право разговора я не собиралась.

— Желание! — ответила я с улыбкой. — Кто выигрывает, тот и загадывает.

— Заманчиво, — кивнул он. — Я не против.

— Я — тоже, — не дав Станиславу заявить свои права на развлечение, тут же произнесла я. — На каком из них?

— А это на ваше усмотрение. КР24? КР25Бис? Или что попроще?

25Бис. Новейшая модификация, ею занимался отец. Говорил, что модель получилась удачная, он остался доволен. Когда была последний раз в отпуске, предлагал испытать себя на тренажере. Я отказалась, хотелось просто отдохнуть, без экстрима.

Знала бы...

А должна была. В нашей службе трудно предугадать, что может понадобиться. Ровер, отправляя меня ловить Горевски, не забыл и об этом факте моей биографии. Папа Валесантери и глава моей семьи были близко знакомы.

— На двадцать четвертом. Только не эске, она бьет отдачей на сложных маневрах. Лучше на тэшке.

Мальчики несколько обескураженно переглянулись. Потом Валанд, прищурившись, перевел взгляд с меня на Шаевского.

— Мирайя, говоришь?!

— Досье читать надо лучше, — невинно улыбнулась я. — Так мы летим или нет?

— Подожди, — выступил вперед Левицкий. — Испытатель Эдмон Мирайя? — Смотрел он не на меня, а на Виктора. — Так ты поэтому...

Ответить Шаевскому я не дала, а то и правда могло дойти до дуэли.

— Тридцать секунд, отсчет пошел...

Валанд усмехнулся и показал на симулятор в левом ряду.

— Как вы и хотели — тэшка. А я, если позволите, на бисе.

Я развела руками:

— Да без проблем.

К модулю командир десантников подвел меня сам. Поднял верхний купол, но даже не дернулся, чтобы помочь мне устроиться в кресле пилота.

Надеюсь, я его не разочаровала. Тело продолжало помнить, в какой момент нужно согнуть колено, словно поднырнув под панель управления, потом расслабленно откинуться, позволяя ложементу принять твой вес и подстроиться под анатомические особенности фигуры.

Но когда дело дошло до широких фиксирующих ремней, наклонился ко мне.

Чуть подправив положение ног, пристегнул нижний. Проверил натяжение, активировал компенсатор.

Кажется, мне предстояло добиваться своего желания в боевой обстановке. Вряд ли он столь трепетно отнесся бы к моей безопасности для обычного гоночного полета.

Вторая опоясала живот, приподняв грудь.

— Что у вас под футболкой?

— Маленькие женские тайны, — с улыбкой отозвалась я, надеясь, что он не станет настаивать на ответе. Узнай о корсете, развлечение закончилось бы, так и не начавшись. Перестраховка, но он имел на это право.

— То-то я смотрю, они от вас ни на шаг не отходят, — ухмыльнулся он, подумав скорее всего о чем-то своем.

— Задание? — поспешила я отвлечь Валанда, пока тот пристегивал перекрестные ленты. Его чрезмерная дотошность была мне ни к чему.

— Продержаться десять минут, — чуть отстранился десантник, поправил мне волосы. Прежде чем надеть шлем, убрал прядь за ухо. Его пальцы замерли на мгновение — не увидеть знак особого отряда он не мог, продолжили движение. — За каждый удачный выстрел дополнительные очки.

Его голос даже не дрогнул.

— Надеюсь, мне не придется раскаиваться в своем безрассудстве? — тихо произнесла я, зная, что он все равно услышит.

— Боюсь, что мне придется сожалеть об упущенной возможности, — опуская купол симулятора, прошептал он.

Третий крючок был сброшен. Оставалось еще два. Я не собиралась вычеркивать Левицкого из списка подозреваемых лишь на том основании, что он когда-то меня спас.

Да и он ли это был?

Вот это был бой!

Валанд дал мне несколько минут, чтобы оценить панораму сражения. Два тяжелых крейсера, по одному с каждой из сторон. На условно нашей — еще три средних и звено перехватчиков. У противника — четыре середнячка и вдвое больше на перехвате.

По легенде игры нашей с Валандом задачей было пробиться к подбитому вражескому среднему и высадить штурмовиков.

Это значило, что за моей спиной, в десантном отсеке, вроде как находилось двадцать живых душ.

Какие там продержаться десять минут?! Я понимала, что все это — симулятор, но... ощущения были такие же, как если бы я прикрывала напарника. Можешь — не можешь, а из шкуры выползешь, лишь бы с ним ничего не случилось.

— Двадцать четвертому! Одна минута до сброса, — раздалось механическим голосом распорядителя полетами.

Сколько раз я слышала его... Сколько раз представляла, как многое зависит от моей способности выполнить задание.

А разве в моей жизни было иначе?!

Пошевелив пальцами рук, затянутых в перчатки-вариаторы, положила их на штурвал, ощутила, как холодком прошло по подушечкам. Картинка вокруг тут же потускнела, но вспыхнуло поле командного интерфейса. Он был схож с полевым, но наш выглядел значительно проще. Минимум необходимых функций, чтобы ориентироваться и всегда быть на связи.

— Двадцать четвертый принял! Одна минута до сброса.

— Элизабет, — справа от меня проявился силуэт Валанда, включился внутренний канал связи, — еще можно отказаться.

— Согласна! — усмехнулась я и, не давая ему ничего сказать, добавила: — Если вы признаете свое поражение.

Повторного предложения не поступило, чему я была рада. Шел обратный отсчет.

— ...восемь, семь, — я сделала глубокий вдох и медленно выдохнула, изгоняя из головы последние мысли, — один. Сброс!

Катер заметно трянуло, возникло ощущение падения, но тут же активировался компенсаторный кокон. Штурвал потихоньку на себя, выравнивая, влево, выводя на разворот.

Рядом с моей отметкой на сканере появилась еще одна — Валанда. Соблазн активировать боковые экраны, чтобы наблюдать за его действиями, отправила настолько далеко, насколько могла. Будь задание командным, пришлось бы контролировать и его, а так...

Пока что мы были каждый по себе.

— Двадцать...

А то я и сама не видела!

Катер послушно отреагировал на движение руки, на двигательной панели зеленый столбик нагрузки ринулся на желтое поле. Эска бы не вытянула маневр, тэшка легко выскочила из замысловатого виража.

Ракета справа — уклонение, слева — навстречу ушла ловушка.

О том, что это всего лишь игра, мозг даже не вспоминал, просчитывая варианты.

Два перехватчика... квадрат... сближение...

Не выходило. Как ни крутись, но не выходило!

— Двадцать пятый бис, есть предложение.

Вопреки опасениям Валанд ерничать не стал.

— Слушаю тебя, два четыре.

— Нам не дадут пройти к среднему. Вариантов два — либо сдохнем оба, либо придется объединяться.

— Осталось девять минут, — без малейшего сарказма отозвался тот.

— Угу, — хмыкнула я. — Меня грохнут не позже чем на седьмой. Скорее всего тот, что под номером нуль третьим. А тебя секунд через двадцать его напарник.

Тот молчал недолго.

— Все равно выиграю я.

— Если я тебя не подставлю шестерке.

Пауза вновь оказалась короткой.

— Говори?

— Боевая ничья, и мы разделяваем их под орех.

— Ну, раз других вариантов нет...

Я с ответом помедлила. Перехватчик стрелять не торопился, но места для маневра не давал, все сильнее прижимая к защитному полю крейсера. А я и не сопротивлялась. Тут самое главное, не удариться в панику и не торопиться, дожидаться мгновения, когда начнет отбрасывать.

С моментом я угадала, даже ускоряться не пришлось.

— Двадцать четвертому плюс десять баллов. Уничтожение перехватчика противника.

Голос был скрипучим, но моего успеха это не умаляло.

Вместо десяти минут мы с Валандом развлекались почти тридцать. Уже вдвоем атаковали еще один борт, тот самый нуль третий, который должен был отправить меня к праотцам, потом повеселились с его напарником, устроив карусель. К крейсеру подошли на двадцать седьмой минуте. С одинаковым количеством баллов.

На панели вспыхнула надпись: задание выполнено, купол симулятора автоматически откинулся.

Выскакивать я не торопилась. Левицкий был прав, боевой режим отличался от стандартного, но ощутила я это только сейчас. Пока летали, адреналин перекрывал возникшую в спине боль.

Вот только показывать ее я никому не собиралась. Ничего серьезного произойти не могло, корсет взял нагрузки на себя. А боль... просто с непривычки.

— А тактика боя откуда? — с ухмылкой поинтересовался подошедший Валанд, наблюдая, как вахтенный освобождает меня от фиксирующих ремней.

Когда в паз ушел последний, протянул мне руку, помогая выбраться.

— Три старших брата — пилоты, — скрывая за улыбкой неприятные ощущения, фыркнула я. — Можно сказать, что я трижды отучилась в академии.

— Шикарно отработали! — качнул он головой, словно не в силах справиться с эмоциями. — Давно я не получал такого удовольствия от совместного полета.

Я хотела ответить ему взаимностью, но не дал Шаевский. Его мрачный взгляд я уже заметила, но о причинах недовольства даже не догадывалась. А ведь всего на полчаса выпала

из действительности.

— Вы в корсете?

От тона, которым был задан вопрос, я слегка растерялась. Да и не я одна, Валанд смотрел на Виктора, явно ожидая продолжения.

Оно не заставило себя ждать.

— Тяжелая травма позвоночника в возрасте семнадцати лет. Экзокорсет.

— По физическим нагрузкам без ограничений, — проведя ладонью по примявшимся под шлемом волосам ладонью, вскользь заметила я, делая вид, что мы говорили не обо мне.

Несмотря на мой убедительный тон, Валанд вроде как был недоволен услышанным. Да и не он один.

Шаевского моя реакция тоже не удовлетворила.

— Повторная травма три года тому назад.

Теперь моя усмешка стала язвительной.

Виктор великолепно разыгрывал мою карту, сдавая с потрохами. Кто бы теперь к какому выводу ни пришел, он знал о моей слабости. Будь я на месте Шаевского, поступила бы точно так же. Но как же противно!

Знал бы он...

Наверное, он знал, что такое, когда твоя дальнейшая жизнь зависит всего лишь от одного слова врача. Тогда, три года тому назад, не сорваться мне помог увядший цветок горького апельсина. Стал символом будущего, шанс на которое мне дал незнакомец.

Вердикт был не столь страшен, как я ожидала. На планетах земного типа — практически без ограничений. Позвоночник реагировал только на перегрузки. Корсет был перестраховкой, моей данью загнанному в глубь души отчаянию, которое я когда-то испытала. И дополнительной защитой, к которой я привыкла, как ко второй коже.

— Без корсета, — хмуро выдал Валанд, идеально подстроившись под ситуацию и отрабатывая ее в паре с Шаевским. — Насколько я сумел понять.

Вот тебе и просто командир десантной группы!

Мне бы радоваться, один уже оправдал мои ожидания, но вместо этого на душе было горько. А еще все сильнее захватывало раздражение. За последние пару часов эти парни сумели увлечь меня своими тайнами настолько, что перестали быть просто объектами для изучения, приобретая человеческие черты. Стали почти своими!

Это не отменяло того, что предатель находился среди них. Стоял сейчас рядом со мной, смотрел с тем же негодованием — мой якобы риск все они считали глупым озорством, — делал вид, что переживает...

Найду и придушу своими руками... Тварь!

— Кажется, вы несколько разочарованы? — снисходительно прищурившись, поинтересовалась я у Валанда, чтобы прервать склизкую тишину.

— При других обстоятельствах сказал бы, что восхищен, — холоднее, чем мне бы хотелось, отозвался тот и неожиданно улыбнулся. Открыто, искренне. — Но победа все равно за вами. Я вынужден это признать.

Шаевский дернулся высказаться на этот счет, но Левицкий, стоявший сбоку от него, придержал, опустив ладонь на плечо.

— Я посчитала за ничью, — отозвалась я, решив воспользоваться моментом, — но раз вы настаиваете...

— С этим вы разберетесь позже, — все-таки прервал наш диалог Шаевский и кивнул

кому-то за моей спиной.

Лучше бы я не оборачивалась. Стиснув зубы, чтобы не сказать ничего лишнего, я смотрела, как в отсек, в сопровождении дежурного медика, всплывает транспортировочная капсула.

* * *

Внеся в матрицу последние данные, Виктор откинулся в кресле, закрыл отяжелевшие от усталости веки. Разрываться между двумя полковниками оказалось нелегкой задачей.

И не скажешь, что сам виноват, нужно было определяться. Не в этом случае. Со Штормом Шаевский был согласен, утечку надо искать не в Штабе, эту суку они забрали с собой.

Мысли о Шторме сбросили и так паршивое настроение до отметки «проще застрелиться». Закономерно и далеко не в первый раз.

Назвать полковника легким в общении было трудно. Запредельная проницательность, способность одновременно держать в голове нюансы нескольких операций, умение молниеносно переключаться с одной проблемы на другую делали его великолепным учителем, но тяжелым командиром. Рядом с ним выживали только такие же, как и он сам.

Шаевский держался почти десять лет. А потом наступил день, когда он понял, что эксперимент на выживаемость закончился не в его пользу.

Ему бы несколько дней передышки, возможность оценить, посмотреть на все со стороны, но ситуация к этому не располагала. От тонизаторов в голове мутилось, сердце трепыхалось где-то в горле, не давая дышать. Но он продолжал что-то делать, иногда получалось даже думать, хоть и казалось, что уже нечем.

А Шторм, оправдывая свою фамилию, лютовал почище тропического урагана. Целеустремленность. Он знал, к чему идет, и не отступал ни на шаг.

Ту операцию они отыграли, как по нотам. На похвалы полковник не поскупился, благодарность выражалась не только в словах, но и в представлении на новые звания. Шаевский был среди этих счастливицков.

Но что-то уже сломалось, оборвалось. Из кабинета полковника он выходил последним, положив перед этим на стол Шторма рапорт с просьбой перевести в другое подразделение.

Полковник тогда ничего не сказал, лишь крутанул пальцами концы усов, давая понять, что несколько удивлен. Ни больше ни меньше.

На разбор полетов вызвал спустя шесть дней. Виктор считал, что давал время еще раз все обдумать, но ошибся.

Непростительно ошибся.

Шторм своих не отпускал даже тогда, когда позволял уйти. Шаевский исключением не стал.

Звание, повышение в должности, легенда, которая идеально объясняла его появление в службе безопасности, и... продолжение работы на полковника, пусть и в ином качестве.

У Виктора и мысли не возникло отказаться. Чем подобное могло закончиться, он просчитал еще до того, как теперь уже бывший командир перешел к той части разговора, где собирался описывать перспективы столь опрометчивого шага.

С тех пор прошло чуть больше трех стандартов.

Полковник Воронов тенью Шторма не выглядел, тоже отличался соответствующей репутацией, но сами задачи, стоявшие перед новой службой, были иными. Возможно, более свойственными природе Виктора, или он просто еще не успел ими пресытиться.

Сигнал информера вывел Шаевского из состояния полузабытья. И не отдыхал — в голове постоянно что-то крутилось, но некоторая расслабленность присутствовала.

Глаза открывать не хотелось, но в этой ситуации вариант только один. А когда увидел, кого принесла нелегкая, пришлось еще и подобраться. Были основания предполагать, что разговор с Ромшезом будет нелегким.

Невольная усмешка скользнула по губам. Воспоминание было совсем некстати, но... избавиться от него не удавалось вот уже два дня. Догнало и сейчас, тем более что в тему.

Полковник на той стороне экрана был спокоен. Нет, полковник был столь непрошибаемо спокоен, что в какой-то момент у Шаевского мелькнула мысль о запрещенных препаратах. Представление, что самоконтроль мог дать такой результат, в сознании не укладывалось.

Шторм поднял на него взгляд именно в это мгновение. Холодный, равнодушно-бесчувственный. Приговор в нем был не только вынесен, но и приведен в исполнение.

— Ее зовут Элизабет Мирайя. Маршал Службы Маршалов Союза. Ее легенда и все, что тебе требуется знать, в информпакете.

— Что я должен сделать? — Шаевскому удалось заставить свой голос не дрогнуть.

Виктор знал Шторма вот уже тринадцать стандартов, но только в этот миг понял, почему имя полковника является синонимом успешных операций. Причина была проста. Тот умел быть настолько убедительным при постановке задач, что ни у кого не возникало сомнений в том, что может быть иначе.

— Использовать ее и найти эту сволочь, — не задержался с ответом полковник. Шаевский даже слегка расслабился, посчитав, что последние напряженные дни добавили излишней мнительности. Собраться сумел вовремя, помог треснувший лед в глазах собеседника. Ассоциация была странной, однако спасла от неожиданности. — Но если с девочкой хоть что-нибудь... — Шторм прикрыл глаза и даже вздохнул, словно отпуская напряжение. — Ложкой... столовой... сам... все, что... вместо мозгов.

Прозвучало грубо даже с учетом пропусков, но, стоило признать, действительно. Так работать головой Шаевского не стимулировали еще ни разу.

— Не против? — вошедший Ромшез остановился на пороге каюты, без всяких эмоций наблюдая, как тяжело поднимается ему навстречу Шаевский.

С Виктором он работал вместе с первого дня, как тот вошел в команду Воронова. Встретили его настороженно, как-никак, а из штормовских выкормышей, но спустя полгода мало кто вспоминал, откуда всплыл новоявленный каптри.

Дружбы между ними не получилось. Шаевский держался со всеми ровно, никого к себе близко не подпускал. Но если была такая возможность, Истер старался попасть в группу, которую возглавлял Виктор. Нестандартный подход к проблемам, оригинальные решения... Воронов не зря тянул Виктора наверх, несмотря на активное сопротивление самого Шаевского. Тот предпочитал оставаться на своем месте.

— Вошел уже, — отозвался Виктор, погасив дисплей планшета до того, как Ромшез успел хоть что-нибудь заметить. Правила и ничего более.

— Ты просил сводку.

Шаевский на мгновение оглянулся — отвернувшись, застегивал китель.

— Мог переслать. Или что важное?

— Это с какой стороны посмотреть, — глухо произнес Ромшез, проходя в глубь каюты. — Я в списке подозреваемых?

Шаевский чуть откинул голову, добравшись до верхнего фиксатора. Покрутил шеей, регулируя натяжение воротника-стойки.

— Да. Так же, как и я. В твоём.

Ромшез разубеждать не стал. Просто уточнил, криво усмехнувшись:

— Считаешь, копаю под тебя?

Виктор на мгновение сдвинул брови.

— Считаю, что память у Воронова хорошая. Сомневаюсь, что с меня когда-нибудь сотрут клеймо Шторма.

И опять Истер не стал комментировать реплику. Что добавить?! Все и так очевидно.

— Кто эта девица, скажешь?

Шаевский потер ладонью подбородок, утомленно вздохнул. На девицу Элизабет никак не тянула.

— Сам бы хотел знать. — Заметив недоверчивый взгляд Ромшеза, добавил: — На борт ее пристроил Шторм, Райзер признался.

— Именно поэтому ты и переслал ей наши послужные списки?

Виктор довольно демонстративно сдвинул предохранитель на блоке заряда парализатора. В набедренную кобуру засунул машинально, как только Истер вошел.

Казалось, что машинально.

Ромшез на предупреждение никак не отреагировал. Стоял практически в центре каюты и просто наблюдал за Шаевским. Полной откровенности не ждал, но чувствовал, кому-то нужно сделать первый шаг хотя бы к намеку на доверие.

— Кого ты контролировал? Меня? Ее? — Глядя прямо в глаза Ромшезу, равнодушно поинтересовался Шаевский. Тоже, видно, думал о намеке... на доверие.

Истер взгляда не отвел.

— От моего ответа что-нибудь зависит?

Ромшез был уверен, если понадобится, Шаевский выстрелит. Не по полномочиям — по вбитой в него убежденности, что при достижении цели все средства хороши.

Для себя Истер решение уже принял. Как раз по этой самой причине Виктор пойдет на все, но ту тварь, которую они разыскивают, найдет даже в том случае, если останется один против всех. По-другому он просто не умел.

Словно вторя его мыслям, Шаевский произнес:

— Через два дня мы будем на Зерхане. Либо мы вместе, либо...

— Я предпочитаю первое.

Виктор выдохнул сквозь стиснутые зубы.

За переписку со Штормом он не беспокоился, при всем желании Ромшезу не удалось бы перехватить информацию, передаваемую полковником.

Но сам факт... Опять перепутье, опять выбор...

Мысли были не о том.

— Я успею закончить операцию?

Ромшез фыркнул и поинтересовался:

— Доверять-то ей можно?

Шаевский от вопроса вздрогнул, словно освобождаясь от тяжелых дум.

— Да... Можно.

Но эту фразу Истер уже не услышал, как и следующую. Выстрел из парализатора сбил с ног, отключил сознание.

— Извини, друг, но мне нужен предатель.

* * *

Сдержалась я не из последних сил, а из понимания, что, когда закончится эта история, Шаевский ответит мне за все. В том числе и за унижение. В подобной транспортировке я совершенно не нуждалась, он об этом прекрасно знал. Мне было даже известно, от кого, но это уже другая история — со Славой разговор будет отдельный.

Я ничего не имела против использования себя в целях поиска источника утечки, но лишь до определенных пределов.

Сначала весьма личная в моем понимании информация, а затем? В отличие от Шторма, я не считала, что при достижении цели все средства хороши.

Расправу могла бы начать и раньше, но Виктор догадался о моем настроении и подставил вместо себя Левицкого. Впрочем, и насчет этих его мотивов я не заблуждалась, он просто давал мне возможность прощупать, чем дышит Станислав. Хватка у Шаевского была знакомая.

У медиков мы пробыли недолго. Диагност выдал заключение, ничего нового для меня в нем не обнаружилось. Да и рекомендации были именно такими, какими я и ожидала их увидеть, — короткий отдых, желательно в горизонтальном положении. И поберечься, хотя бы пару дней.

Соблюдать я их не собиралась, но этот вариант тоже предусмотрели. По приказу Райзера, который принес извинения за необдуманные действия своих офицеров (при чем тут они, я так и не поняла, но спорить не стала), приказал Левицкому продолжить опеку надо мной.

Я не заметила, чтобы Станислав этим приказом тяготился.

Обедали мы в моей каюте. Я — предпочтя держать тарелку в руках и бродя от переборки и переборке, он — сидя у стола.

Разговор не клеился, хоть и было о чем поговорить. Я в какой-то мере испытывала его терпение, он... был вежлив, заботлив, но не любопытен.

Мне нравился принцип, по которому он действовал (назывался он: «кому больше надо»), но не тогда, когда тот работал против меня. Только вариантов он мне не оставил. Судя по тому, что я наблюдала, молчание моего опекуна нисколько не тяготило.

Косметичка лежала на койке, оставила, когда уходила на экскурсию. На приманку она не тянула, просто создавала антураж присутствия женщины в каюте.

Проходя в очередной раз мимо, подцепила ее двумя пальцами, отметив, как Станислав слегка прищурился.

Возвращаясь, избавилась от тарелки. Теперь Левицкий чуть качнул головой, я практически ничего не съела.

Не объяснять же ему, что я, как гончая, взяла след.

Достав из сумочки небольшое саше из грубой льняной ткани, положила на стол рядом со Станиславом. Двинув подбородком в сторону мешочка, сама отошла, прихватив бокал с

водой.

Я волновалась. В данном случае скрывать беспокойство не было причин.

За спиной раздался так ожидаемый мною шорох.

— Не думал, что храните.

Оборачиваться я не стала.

Признаться честно, не знала точно, как себя вести. Кинуться на грудь в рыданиях: «Мой спаситель!» Просто поблагодарить... Сделать вид, что в данном факте нет ничего особенного...

— Как видишь, — все-таки отозвалась, когда пауза начала затягиваться.

— Опять задание?

Хмыкнув, неопределенно двинула плечами. То ли смеяться, то ли плакать...

— Служба. — Пришлось обернуться.

Станислав смотрел на меня и улыбался.

— Ты не слышала, как... выражался твой шеф, когда появился в палате. Я с трудом поверил, что это помощник директора Службы Маршалов.

Неожиданный поворот, но не самый худший.

— Ровер? Выражался? — недоверчиво уточнила я, понимая, что смысла врать у Левицкого не было.

Но, даже удивляясь, обратила внимание, что Станислав принял мое обращение на «ты».

— Некоторые из этих эпитетов я уже слышал однажды. — Улыбка мгновенно исчезла с его лица, сделав его жестким и бескомпромиссным.

Я тяжело вздохнула.

— Мой начальник и Слава — давние товарищи. Учились вместе в школе.

Удовлетворения в его взгляде не было, просто оценка ситуации.

— А я тебя искал, — неожиданно вырвалось у него, заставив меня вздрогнуть.

Его признание отказывалось вписываться в схему происходящего, которая начала вырисовываться у меня в голове. Нет, не переворачивало с ног на голову, просто добавляло личных ноток.

Мне бы очень хотелось избежать подобных нюансов, но оставался аромат нероли, преследующий меня эти годы.

Не влюбленность — я уже давно не играла в эти игры, но что-то, заставляющее замирать в предвкушении.

— У тебя было больше возможностей, — нашла я нейтральный ответ. Вроде как дала понять, что я о нем тоже помнила, но без излишней сентиментальности.

— Если не брать во внимание мое нечастое появление на Земле и цербера по имени Геннори Лазовски.

Склонив голову, увела взгляд в сторону.

— По первой части сказанного вопросов нет, а что делать со второй?

— А вот это решать тебе, — поднялся он неторопливо. И добавил, сделав шаг в мою сторону и... неожиданно остановившись. — И мне, раз уж судьба снизошла до моего желания.

Что будет дальше, я могла сказать и не прибегая к аналитической части моего ума.

[Купить полную версию книги](#)